

# Непобедимая и легендарная

**Автор:**

Александр Харников

Непобедимая и легендарная

Александр Петрович Харников

Александр Борисович Михайловский

Ангелы в погонах Однажды в Октябре #4

Подавив украинских сепаратистов и в общих чертах установив на территории малороссийских губерний советскую власть, преторианцы будущего красного императора товарища Сталина переводят дух и оценивают обстановку. Они видят, что вокруг творится то, что было противно любому русскому патриоту – хоть «красному», хоть «белому». В Молдавии националисты ведут дело к отделению от России, а за их спиной стоит жаждущая чужих земель Румыния. В объятном безвластием Крыму, где у причалов Севастополя погибает Черноморский флот, вяло борются за влияние татарские автономисты, анархисты, украинские националисты и последователи линии Троцкого-Свердлова. По степям Таврии бродят никому не подчиняющиеся отряды разной степени «революционности», вырождаясь в откровенные банды. На Дону собирают сторонников генералы Краснов, Алексеев и Каледин, с намерением провозгласить область Войска Донского независимым государством. И в дополнение ко всему Британская империя ведет против Советской России необъявленную войну: потерпев поражение при набеге на Мурманск, джентльмены не успокоились и продолжают строить новые коварные планы.

Однако полковнику Бережной, адмирал Ларионов и другие их товарищи под руководством товарища Сталина продолжают наведение порядка в своей стране. Кроме того, они намерены в очередной раз крепко дать в нос зарвавшимся «просвещенным мореплавателям». О том, как это произойдет, вы узнаете, прочитав эту книгу.

Александр Михайловский, Александр Харников

Непобедимая и легендарная

Том 4

13-я часть

Громовой декабрь

09 декабря (26 ноября) 1917 года. Полдень. САСШ. Вашингтон. Овальный кабинет Белого дома.

Присутствуют:

Президент САСШ Вудро Вильсон

Вице-президент Томас Маршалл

Государственный секретарь Роберт Лансинг

Военный министр Ньютон Бейкер

Командующий ВМС САСШ адмирал Уильям Бэнсон

Вашингтон был погружен в траур, приспущенные государственные флаги украшали черные ленты, газеты вышли с заупокойными заголовками, а настроения в городе политиков и чиновников были такими, что хоть сейчас в гроб ложись. Вчера в 15:33 германская подводная лодка торпедировала трансатлантический лайнер «Мавритания» уже подходивший к Ливерпулю, фактически в пределах видимости шотландского берега.

Вражеская субмарина проявила невероятную дерзость. Она атаковала лайнер, несмотря на то, что тот уже находился под охраной британских противолодочных шлюпов и американского крейсера «Олбани». После попадания двух торпед и взрыва котлов «Мавритания» легла на левый борт и быстро затонула. Из личного состава двух перевозимых ею пехотных полков в количестве двухсот четырех офицеров и пяти тысяч девятисот нижних чинов, а также из восьми сотен человек команды экипажам шлюпов удалось поднять из ледяной декабрьской воды не более двухсот окоченевших полутрупов. Британские военные моряки не только не смогли потопить дерзкого подводного пирата – им даже не удалось обнаружить присутствие вражеской субмарины после атаки.

Похоронные настроения царили и в Белом Доме. Попытка вашингтонского истеблишмента, презрев доктрину Монро и не неся при этом значительных затрат, успеть к разделу жирного европейского пирога, терпела крах.

– Джентльмены, – сказал президент Вильсон, когда все присутствующие расселись вокруг знаменитого круглого стола, – мы собрались по печальному поводу. Всевышний посылает нам все новые и новые испытания. Давайте помолимся за души наших усопших соотечественников.

Когда молитва закончилась, все уселись за стол, и Вудро Вильсон начал совещание.

– Слово предоставляется адмиралу Бэнсону, – сказал президент. – Мы бы хотели выслушать его объяснения, каким образом мы потеряли при перевозке в Европу еще одну пехотную бригаду, а англичане – последний крупный трансатлантический лайнер. Впрочем, как мне кажется, это вопрос чисто академический, ибо Конгресс только что решением обеих палат на неопределенный срок наложил вето на все воинские перевозки через Атлантику. Это вам к сведению. Мы и наши союзники обделались в этом деле по полной программе. Ну а теперь мы вас внимательно слушаем, адмирал...

Адмирал тяжело вздохнул.

– Джентльмены... – начал он свою речь. – Нам казалось, что мы приняли все необходимые меры для защиты от вражеских подводных лодок наших солдат, перевозимых через океан. «Мавританию» во время ее пути через Атлантику

сопровождал наш крейсер «Олбани», из-за чего скорость на маршруте пришлось снизить со стандартных двадцати шести до восемнадцати-двадцати узлов. Количество впередсмотрящих были удвоено, а в ночное время корабли шли без огней. При входе в зону действия германских субмарин лайнер взяли под охрану британские шлюпы противолодочной обороны, после чего скорость каравана упала до шестнадцати узлов. Атака германской подводной лодки произошла уже на подходе к Ливерпулю, прямо среди бела дня. Один из выживших сигнальщиков с «Мавритании», матрос Тед Берсон, показал, что следы двух торпед были замечены ровно в пятнадцать тридцать, на кормовых курсовых углах. Это направление для подводной атаки считается малоопасным, тем более что обе торпеды шли мимо лайнера. Поэтому капитан «Мавритании» не стал предпринимать никаких маневров уклонения.

Адмирал обвел присутствующих внимательным взглядом и после короткой паузы произнес:

– Джентльмены, то, что я скажу вам дальше, может показаться невероятным, но показания Теда Берсона, которые, кстати, он дал под присягой, подтверждаются и сигнальщиками с британских шлюпов, тоже наблюдавших за торпедной атакой. Ровно в пятнадцать часов тридцать одну минуту торпеды вошли в кильватерный след «Мавритании» и изменили курс, догоняя лайнер. Несчастный матрос говорил, что они «гнались за нами как две голодные акулы», виляя по синусоиде, то входя в кильватерный след, то выходя из него.

– А разве торпеды могут гоняться за кораблями? – удивленно спросил военный министр. Он хотел еще что-то добавить, но потом махнул рукой и сказал: – Извините, джентльмены, нервы. Раз погнались, и все это подтверждают, значит, могут. Продолжайте, адмирал. Что там у вас еще такого же... страшного?

– Много чего, – кивнул Бэнсон. – Кроме того, что эти торпеды погнались за «Мавританией», вызывает удивление и тот факт, что ни сигнальщики с «Мавритании», ни военные моряки с нашего крейсера и британских шлюпов не заметили никаких признаков присутствия в этом районе подводной лодки. Повторяю: никаких. Ни поднятого перископа, ни шумов работающих механизмов – ничего. Попытки обнаружить субмарину и атаковать ее не имели успеха, и это военное преступление осталось безнаказанным.

– Вы считаете, что у германцев появилась подводная лодка какого-то нового типа? – встревожено спросил президент. – В таком случае для нас это может

стать полной катастрофой...

– Возможно, сэр, – кивнул адмирал Бэнсон, – по данным наших британских коллег, полтора месяц назад субмарина неизвестного типа в обстановке полной секретности прошла Кильским каналом из Балтийского моря в Северное. Проводка ее осуществлялась ночью, при минимуме обслуживающего персонала и повышенных мерах безопасности, при этом рубка и верхняя часть корпуса были тщательно задрапированы брезентом. – Он тяжело вздохнул. – Кроме того, британской разведке стало известно, что примерно в то же время с германской подводной лодки U-35, которая базируется в австрийском порту Каттаро на Адриатическом море, сразу после возвращения из похода был отозван ее командир, знаменитый подводный ас капитан-лейтенант Лотар фон Арно де ла Перьер. Как удалось установить, проездные документы ему были выписаны до военно-морской базы на острове Гельголанд. Третьим элементом головоломки, оказавшимся в том же месте и в то же время, оказался адмирал Тирпиц, посетивший остров примерно в то же время, когда туда должны были прибыть неизвестная субмарина и очень известный германский подводник. Делайте выводы, джентльмены...

– Возможно, вы и правы, Бэнсон, – задумчиво сказал вице-президент Томас Маршалл, – уникальный командир для уникального корабля и напутствие любимого адмирала на пирсе. Если в ближайшее время будет объявлено, что капитан-лейтенант фон Арно де ла Перьер награжден Рыцарским крестом, или что там у гуннов положено давать за такие деяния, то тогда мы точно будем знать, кто убил наших мальчиков. Пока же, господа, нам надо решить, какие мы сделаем из всего произошедшего выводы и что предпримем дальше.

– Томас, – вздохнул президент Вильсон, – я же сказал, что конгресс все уже решил за нас. Больше никаких войск в Европу, никаких потопленных кораблей, никаких напрасных потерь. переброска войск в Европу и наше участие в боевых действиях приостанавливаются до момента прояснения обстановки и нахождения эффективного способа борьбы с новыми германскими субмаринами и их секретными торпедами. Если кто и может создать такое чудовищное оружие в наше время, так это германцы, слепо верящие во всемогущество техники, и в то же время лишенные даже зачатков совести и милосердия. Госсекретарю Роберту Лансингу я хочу поручить в максимально вежливой форме довести эту информацию до его британского коллеги из Форин-офиса. Сообщите им, что мы также отзываем обратно в Штаты свою бригаду линкоров. После заключения мира на востоке германская промышленность должна перестать

испытывать проблемы с сырьем, и боюсь, что в ближайшем времени моря заполонят десятки невидимых и неуловимых субмарин-убийц. В дальнейшем все перевозки военных грузов в Великобританию будут осуществляться на британских торговых судах, эскортируемых британскими же военными кораблями. Мы умываем руки, джентльмены, и рассчитываем вернуться к этому делу тогда, когда обстановка в Европе станет для нас более благоприятной.

– Но, мистер президент, – недоуменно произнес военный министр Бейкер, – а что же нам делать с армией, которую мы собирались отправить через океан? Части в основном закончили обучение, и уже готовы к отправке.

– Мистер Бейкер, – раздраженно сказал президент, – вы хотите, чтобы эти парни отправились в Европу или напрямиком на морское дно? Если считаете, что они нужны, и недаром едят свой хлеб, то поищите им применения где-нибудь поближе, без нарушения доктрины Монро. Подумайте, что мы можем урвать от той же Мексики. Там сейчас неспокойно, и под шумок мы сможем оттяпать все, что нам необходимо. Давайте, прикиньте, где и что, составьте план и представьте его мне на рассмотрение. Все, джентльмены, совещание окончено, можете быть свободны.

10 декабря (27 ноября) 1917 года. Полдень. Одесса. Железнодорожный вокзал.

Над красавицей Одессой порывами задували ледяные декабрьские ветра. Город сек ледяной дождь пополам со снегом. Но, несмотря на эту отвратительную погоду, впервые за несколько месяцев одесситы почувствовали себя комфортно. Прибытие бригады Красной Гвардии положило конец безвластью. Кадеты, гайдамаки, левые и правые революционеры, а также просто бандиты, наконец уgomонились и перестали делить власть в городе и имущество горожан. Твердой рукой наведя порядок, прибывшие из Питера красногвардейцы установили в Одессе-маме свою власть – пусть жесткую и не склонную к либерализму, но столь милую сердцу обывателя. А бандиты Япончика, самостийщики и так называемые р-р-революционеры, творившие беспредел в городе, частично были уничтожены, а уцелевшие забились в щели и не высывали носа.

Новые власти, не откладывая дела в дальний ящик, организовали Управление Народного Комиссариата Внутренних Дел, назначив начальником известного русского сыщика Аркадия Францевича Кошко, волею судьбы оказавшегося в

Одессе. По сути, снова заработало старорежимное городское полицейское управление, со всеми печальными последствиями для одесской уголовной братии. Пешие и мобильные сводные патрули из бойцов бригады, местных рабочих отрядов и юнкеров беспощадно расстреливали на месте преступления всех мародеров и грабителей, отправляя всех прочих подозрительных на улицу Кондратенко – туда, где со времен «до без царя» находилось городское полицейское управление. В ведомстве господина (или товарища?) Кошко, получившего чин комиссара внутренних дел первого ранга, с задержанными беседовали уже более скрупулезно и предметно.

По сути, соединить, казалось бы, несовместимое – красное и белое – оказалось довольно просто. Едва из большевистской идеологии исчез тезис о расчленении бывшей Российской империи на множество мелких республик, и возобладала сталинская линия на «единую и неделимую» (пусть и Советскую) Россию, большинство офицерского корпуса Русской армии заняло лояльную в отношении новой власти позицию. После заключения почетного Рижского мира лояльность эта укрепилась.

Сыграло свою роль и публичное обращение экс-императора Николая II ко всем своим сторонникам с призывом поддержать правительство Сталина. По ходу движения по Белоруссии и Украине даже было непонятно, кого больше пристало к соединению полковника Бережного – то ли рабочих отрядов Красной Гвардии, то ли одиночных офицеров и сохранивших дисциплину и управляемость осколков Русской армии. Больше всего это напоминало снежный ком, катящийся с горы. Совсем небольшие пополнения во Пскове, Могилеве и Гомеле, значительные в Чернигове, большие в Киеве, и просто огромные в Одессе. Был среди этих примкнувших к бригаде Бережного и сводный чехословацкий батальон Красной Гвардии, под командованием кавалера двух георгиевских крестов поручика Людвиг Свободы.

Эта бесформенная, почти неуправляемая масса и вынудила Фрунзе и Бережного задержаться в Одессе, чтобы заняться организационными вопросами. Из Петрограда они получили распоряжение Председателя Совнаркома о переформировании мехбригады в корпус Красной Гвардии. Состоять он должен был из одной механизированной, одной стрелковой и одной кавалерийской бригады, отряда бронепоездов и нескольких отдельных батальонов.

И сейчас большая часть подразделений формируемого корпуса выстроилась стройными рядами на привокзальной площади, неподалеку от Куликова поля.

Торжественно и грозно застыли на подъездных путях бронепоезда. Красные знамена перед строем частей, как и флаг над зданием вокзала, то бессильно повисали мокрыми тряпками, то начинали неистово хлопать под налетающими порывами ветра. Мощные динамики, установленные на крыше агитвагона штабного поезда, разносили слова песни «Красная Армия всех сильнее», в трактовке группы «Любэ»:

Красная гвардия, доблестный флот, непобедимый как наш народ.

Ведь от тайги до британских морей, Русская Армия всех сильнее.

Да будет Красная непобедима, на страже Родины родной.

И все должны мы, неудержимо, идти на справедливый бой.

Красная Гвардия марш-марш вперед, Родина-мать нас в бой зовет.

Ведь от тайги до британских морей, Русская Армия всех сильнее.

Да будет Красная непобедима, на страже Родины родной.

И все должны мы, неудержимо, идти на справедливый бой.

Мир мы построим на этой земле с Верой и Правдою во главе.

Ведь от тайги до британских морей, Русская Армия всех сильнее.

Да будет Красная непобедима, на страже Родины родной.

И все должны мы, неудержимо, идти на справедливый бой.

Когда стихли последние аккорды, перед бойцами и офицерами выступил Народный комиссар по военным и морским делам Михаил Фрунзе. Коротко поздравив всех со вступлением в ряды Красной Гвардии, он зачитал текст новой советской присяги:

Я, гражданин Советской России, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы своих командиров.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу и своей Родине России.

Я клянусь в любой момент выступить на защиту моей Родины – Советской России, и клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение моих боевых товарищей.

Тысячи глоток троекратно прокричали: «Клянусь! Клянусь! Клянусь!», после чего торжественная часть закончилась, и людей с ледяного ветра и морозящего дождя быстро завели внутрь вокзала для обогрева, раздачи горячего обеда и приема традиционной в русской армии винной порции. Начальствующий же состав формируемого корпуса Красной Гвардии, кутаясь на ледяном ветру в шинели и бушлаты, прошел в салон-вагон штабного поезда для обстоятельной беседы.

– Да, Михаил Васильевич, – тихонько сказал полковник Бережной идущему рядом Фрунзе, – вот и не утерпели мы до двадцать третьего февраля – создали, получается, Красную Армию на два с половиной месяца раньше. Ну ничего – как говорят в народе, что ни делается, все к лучшему.

– Получается, так, Вячеслав Николаевич, – с легкой улыбкой согласился Фрунзе, посвященный в основные моменты другого варианта истории, – будет теперь у нас праздничным армейским днем десятое декабря.

– Господин Фрунзе, а как же ваше обещание сохранить русскую армию? – тут же спросил слегка раздосадованный генерал-лейтенант Деникин.

– Антон Иванович, – ответил тому полковник Бережной, – вы же сами видите, что творится вокруг. Взяться же не за что. Старая армия расплзается под руками как прелея портянка. Кругом бардак, хаос, дезертиры, солдатские комитеты, а также тыловая шваль, которую хочется вешать на фонарях, минуя процедуру

военно-полевого суда. А у нас – порядок и дисциплина. Ведь мы берем в Красную Гвардию только добровольцев, которые к нам, между прочим, идут массово, что обещает нашей новой армии в будущем довольно приличный уровень боеспособности...

– Хочу также заметить, – мягко добавил Фрунзе, – что любая часть, сохранившая организованность и не утратившая своего знамени, будет включена в новую армию без перемены названия и с сохранением личного состава. Было бы преступлением распускать полки, прославившие себя в сражениях против неприятеля. Но, к сожалению, таких боеспособных частей в русской армии сейчас абсолютное меньшинство. Формирование новой армии – единственный выход из того преступного бардака, который, пусть даже из самых лучших побуждений, сотворили господа из Временного правительства.

– Не могу не согласиться с вами, – хмуро сказал генерал Деникин, – иначе как преступным бардаком их приказы и распоряжения и назвать-то нельзя.

Полковник Бережной увидел, что у двери штабного вагона рядом с генералом Марковым и подполковником Ильиным (остававшимися «на хозяйстве», а потому не присутствовавшими на построении), стоит еще один высокий худой офицер в очках, с лицом нервического типа.

– Т-с-с, господа и товарищи, – сказал он, – сейчас что-то будет. И заметьте, Антон Иванович, как раз в тему нашего предыдущего разговора. А я-то все гадал, куда пойдет этот человек – между прочим, Антон Иванович, хороший ваш знакомый по боям в Карпатах – к нам или на Дон к Каледину? Хотелось бы, чтобы все же к нам. Противник он тяжелый, да и делить нам с ним нечего.

– Господа и, хм, товарищи... – разрешил интригу генерал Марков; лицо незнакомца на слове «товарищи» заметно дернулось, – позвольте вам представить полковника Генерального Штаба Михаила Гордеевича Дроздовского. Пробился к нам из Ясс со сводным отрядом в тысячу штыков, двести сабель, при восьми орудиях и двух броневиках. Уходили, можно сказать, с боем, румыны никак не хотели отпускать его отряд, требовали, чтобы он сложил оружие. Но Бог миловал, обошлось.

– Михаил Гордеевич опять навел пушки на королевский дворец в Яссах и пригрозил разнести резиденцию румынского монарха вдребезги и пополам? – не

удержавшись, спросил полковник Бережной.

– Полковник Главного разведуправления Генерального Штаба Бережной, Вячеслав Николаевич, – быстро сказал генерал Марков, представляя собеседников друг другу, – герой Рижского сражения, победитель Гинденбурга с Людендорфом, и вообще легендарная личность. Наведение в Петрограде жесткого порядка и вызволение Государя с семьей из ссылки – это тоже он. До последнего времени командовал у нас механизированной бригадой. Теперь же, скорее всего, будет командовать корпусом. В общем, прошу любить и жаловать.

– Да? – немного растерянно сказал Дроздовский, несколько изумленный столь неожиданной атакой. – Так оно и было. Но почему опять?

– Потому что люди не меняются, – ответил полковник Бережной на последний вопрос, и посмотрел на Маркова. – Сергей Леонидович, неужто вы не рассказали коллеге об истинной подоплеке последних событий?

– Не успел, Вячеслав Николаевич, – вздохнул тот, – да к тому же я не имел на это соответствующего разрешения.

– Теперь можете рассказать, – кивнул полковник Бережной, – с такими людьми дела надо вести открыто и честно. Расскажите Михаилу Гордеевичу кто мы, что, и ради чего мы делаем все, чему он свидетель. В конце концов, речь идет о спасении России.

– Разумеется, – кивнул генерал Марков, – но сначала, с разрешения Михаил Васильевича, я должен представить полковнику Дроздовскому тех из присутствующих, с кем он еще не знаком.

– Представляйте, товарищ Марков, – сказал Фрунзе, и Дроздовский снова непроизвольно вздрогнул при слове «товарищи». Похоже, наркома слегка забавляла эта невольная комедия положений.

– Народный комиссар по военным и морским делам, – сказал Марков с легкой усмешкой, – а также Главком и член ЦК партии большевиков, Фрунзе Михаил Васильевич. Генерал-лейтенант Романов Михаил Александрович, бывший Великий князь, начальник конно-механизированной группы особого назначения, Генерального Штаба генерал-лейтенант Деникин Антон Иванович, командир

вновь формируемой стрелковой бригады генерал-лейтенант кавалерии барон Густав Карлович Маннергейм, командир формируемой кавалерийской бригады, как я понимаю, в представлении вам не нуждаются. (после каждого надо поставить точку) Вы с ними уже знакомы по совместным сражениям.

- И Генерального Штаба генерал-лейтенант Марков Сергей Леонидович, начальник разведки Корпуса, - неожиданно закончил представление Фрунзе, глядя прямо на Дроздовского. - Он, как я полагаю, вам тоже уже хорошо знаком.

- Разумеется, Михаил Васильевич, - подтвердил генерал-лейтенант Марков.

- Итак, - сказал Фрунзе, - поскольку полковник прибыл к нам прямо с места событий, то предлагаю пригласить его на наше штабное совещание. Как говорится, с корабля на бал. С Румынией, товарищи, пора кончать и идти дальше. Дел у нас еще много.

Да, на Юге России все еще только начиналось. С Румынского фронта поступили сообщения, что после взятия Красной Гвардией Одессы румынская королевская армия по приказу представителей Антанты приступили к разоружению и интернированию частей Русской армии. Отдельные подразделения, еще сохранившие боеспособность, подобно отряду полковника Дроздовского, силой оружия пробивали себе путь к русской границе. А в Яссах битые австрийцами и мадьярами румынские генералы уже строили планы и мечтали о Великой Румынии до Днестра, Днепра или даже до Волги. Грядущий восемнадцатый год должен был решить все.

10 декабря (27 ноября) 1917 года. три часа пополудни. Одесса.

Железнодорожный вокзал, штабной поезд корпуса Красной Гвардии, Купе генерала А.И. Деникина.

- Михаил Гордеевич, - с улыбкой сказал генерал Марков, задвигая за собой дверь купе, - я же вам говорил, что попали вы как кур в ощи́п - в логово самых отъявленных большевиков. С чем мы вас и поздравляем.

Полковник Дроздовский, слегка прихрамывая на левую ногу, дошел до дивана и устало опустился на него.

– Господа, – растерянно вымолвил он, – потрудитесь объяснить мне, что сие означает? Я ничего не могу понять!

– Сергей Леонидович, – с трудом сдерживая улыбку, сказал Великий князь Михаил Александрович, – будьте любезны, налейте-ка полковнику рюмочку коньяка.

– Да-да, – закивал генерал-лейтенант Деникин, – господину полковнику это совсем не помешает. Сергей Леонидович, пошарьте в моем погребце.

Дроздовский отрицательно покачал головой, но генерал Марков, протянув ему пузатый бокал с плескавшейся на дне янтарной жидкостью, ободряюще сказал:

– Выпейте, Михаил Гордеевич, не пьянства ради, а токмо для лучшего усвоения всего здесь увиденного и услышанного. Кстати, господа, кто попытается объяснить нашему гостю все происходящее?

– Как мне кажется, – произнес генерал Деникин, – лучше всего это получится у Михаила Александровича – как старшего по званию и более осведомленного.

– Действительно, – кивнул Марков и посмотрел на брата экс-императора, – его высочество наиболее, как принято говорить у наших новых знакомых, «продвинуто» во всех их чудесах. Только я, Михаил Александрович, запомнил, когда полковник Бережной впервые пожаловал к вам в Гатчину...

– Двадцать девятого сентября по старому стилю, – сухо сказал Михаил Романов, – я сподобился быть вторым после господина Сталина из числа тех, кто удостоился такой чести. Вас, господин полковник, тогда не было в Петрограде... Вы даже не можете себе представить, что творилось тогда в городе. Ужас, помноженный на кошмар...

Михаил Романов задумался, а потом сказал:

– Но давайте я расскажу по порядку, чтобы Михаилу Гордеевичу стало все понятно... Итак, начну. Все обстояло следующим образом. На конец сентября германским Генеральным штабом была запланирована операция по захвату Моонзундских островов с целью обхода нашей оборонительной позиции у Риги и

прорыва германского флота в Финский залив. Для этой цели было выделено два отряда линкоров, дивизия новейших легких крейсеров и десантный корпус численностью двадцать шесть тысяч штыков. В самый канун операции каким-то необъяснимым для современной науки способом в Балтийском море, ровно посередине между Моонзундом и Стокгольмом, появилась эскадра русского флота. И прибыла она из будущего – их далекого две тысячи двенадцатого года. Результат сего переноса известен всем – у острова Эзель Германия потерпела одно из самых тяжелых поражений в этой войне...

Михаил Романов внимательно посмотрел на полковника Дроздовского и сказал:

– Михаил Гордеевич, я мог бы подробно рассказать вам о том, как день за днем с помощью эскадры пришельцев менялась вся наша история. Но на это понадобится слишком много времени. Могу сказать лишь одно... – Он замолчал, а потом продолжил: – Я редко встречал более яростных патриотов России, чем полковник Бережной, адмирал Ларионов и их подчиненные. При всем при том все они являются такими же яростными приверженцами господина Сталина. Фактически они стали чем-то вроде его преторианской гвардии. Это они превратили винные погромы в Питере в ночь длинных ножей, под корень вырезав противостоящую Сталину группировку Троцкого-Свердлова. Одна ночь, господа – и Россия снова единая и неделимая.

– Спасибо, ваше императорское высочество, вы меня обнадежили, – устало сказал Дроздовский. – Только хотелось бы знать, что теперь будет дальше...

– Михаил Гордеевич, – ответил бывший великий князь, – запомните: здесь нет никакого высочества. Есть только генерал-лейтенант Михаил Романов, командир конно-механизированной группы Красной Гвардии. Бойцы меня любят, коллеги уважают, зачем мне что-то большее, особенно сейчас... Ну, а на вопрос о том, что же будет дальше, отвечу, что сам об этом не ведаю. К сожалению, даром Кассандры не наделен. Поживем – увидим. Лично я, как и мой брат, свой выбор уже сделал. Мы с ним сделаем все, чтобы избежать развязывания в России братоубийственной гражданской войны, и будем всемерно помогать господину Сталину и его команде. Если для этого Россия должна стать большевистской советской республикой, то пусть она ею станет. Временного правительства, со всеми его «свободами», мы все наелись до отвала. Мы насмотрелись на безвластие, именуемое демократией. Увольте, но, по мне, лучше большевистская диктатура, чем вседозволенность и беззаконие. А что касается монархии... Она умерла, и реставрация ее сейчас невозможна. – Михаил вздохнул. – Михаил

Гордеевич, лично я понимаю и сочувствую вашим монархическим убеждениям. Но сейчас такие люди, как вы, в абсолютном меньшинстве. Слишком много ошибок сделали во время своего правления мой брат и его супруга, слишком много грязи на них было вылито Гучковыми, Милюковыми и прочими думскими словоблудами. Слишком глубоко зашло разложение нашей деревни, значительно усугубленное деятельностью господина Столыпина. Так что, господин полковник, как человек опытный могу вам сказать, что на ближайшие лет тридцать или сорок единственный император, который у нас есть – это господин, ну или товарищ, Сталин-Джугашвили. Других вариантов, способных сделать нашу бедную Россию великой и процветающей державой, сейчас просто нет. Дело, задуманное вами в Яссах, неосуществимо, потому что нельзя сделать то, что неприемлемо большинством народа. Господа Краснов и Каледин что-то там пытаются изобразить на Дону. Но когда мы закончим с румынами, то придем и туда...

– Не верю! – взволнованно воскликнул Дроздовский. – Я не верю, что бывший бунтовщик, каторжник, сможет сделать нашу Отчизну великой и могучей! Господа, да ведь просто быть такого не может! Красный император?! Да вы сами в это верите ли?!

– Сергей Леонидович, – мягко сказал Деникин, – вы, как лучше всех разбирающийся в технике наших потомков, пожалуйста, покажите полковнику Дроздовскому... ну, скажем, Парад Победы после капитуляции Германии в войне, которую Россия выиграет под руководством товарища Сталина. Ее еще назовут Великой Отечественной. Пусть он посмотрит, как будет выглядеть Красная Империя в зените своей славы.

– Да, Сергей Леонидович, – поддержал Деникина Михаил Романов, – покажите. Когда я вижу этот Парад, у меня мурашки бегут по коже. Триумф, сравнимый разве что с восьмьсот двенадцатым годом, когда от стен сожженной Москвы русские полки с боями прошагали до парижских бульваров.

Пока генерал Марков доставал из стального сейфа, привинченного к стенке штабного вагона, выданный генералам для работы ноутбук, генерал Деникин вполголоса разговаривал с полковником Дроздовским.

– Михаил Гордеевич, вы ведь помните, как начиналась война с Японией? – спросил он. – Главным фактором успеха армии и флота микадо было внезапное и вероломное, с нарушением всех правил ведения войны, нападение на наш флот

в Порт-Артуре и на крейсер «Варяг» в Чемульпо.

– Да, это так, Антон Иванович, – кивнул полковник Дроздовский, – но только какое это имеет отношение к обсуждаемому сейчас вопросу?

– Самое прямое, – сказал Деникин. – Если сравнить это даже с нынешними масштабами, то ущерб от нападения японцев был крайне незначителен. Но тем не менее та война для России закончилась унижительным поражением. Тем же должна была закончиться и нынешняя война с германцами и австрийцами. Должна, но все получилось наоборот... Если бы не господина Бережной с Ларионовым, то вместо почетного Рижского мира мы бы сейчас имели позорнейший Брестский. А также все условия для начала большой гражданской войны...

Генерал Деникин сделал паузу, а потом сказал:

– Так вот, Михаил Гордеевич, начало войны, которую наши потомки назовут Великой Отечественной, походило на тысячекратно умноженный Порт-Артур. Только роль японских миноносцев сыграли здесь сотни больших аэропланов-бомбовозов. Примерно семь миллионов германцев, румын, венгров, финнов, итальянцев внезапно напали на два с половиной миллиона русских солдат. Казалось бы, случилась катастрофа. Враг сумел дойти до Петрограда, Москвы, Царицына и Владикавказа. Но сила ТОГО государства была такова, что не появилось даже намеков на смуту и разброд, так хорошо знакомые нам как по девятьсот пятому, так и по нынешним временам. Собравшись с силами, большевики не только остановили вражеское нашествие, но и, вышвырнув завоевателей с русской земли, сами дошли до Триеста, Вены, Праги и Берлина. И там, в поверженной столице Германии, на руинах Рейхстага, они водрузили боевое знамя обычной стрелковой дивизии, которое позже назвали Знаменем Победы. И все это под руководством господина-товарища Сталина. На фоне нашего недавнего бардака – пример, достойный для подражания.

Дроздовский молчал, мучительно переживая услышанное. Но тут генерал Марков сказал:

– Готово, господа, смотрите...

На экране появились первые кадры московского Парада Победы 24 июня 1945 года. Дальше все присутствующие смотрели фильм в полной тишине...

– Ну вот и все, – сказал Михаил Романов, когда видео закончилось. – Михаил Гордеевич, так вы сделали выбор? Останетесь вы с нами или пойдете дальше на Дон?

– Я остаюсь, – сказал Дроздовский, до глубины души потрясенный зрелищем двигавшейся по Красной площади техники, марширующих солдат и офицеров. И особенно апофеоза этого парада – груды германских знамен, брошенных на гранитные ступени сооружения, которого, как помнил Дроздовский, раньше на Красной площади не было. – Разумеется, лишь в том случае, если вы, Антон Иванович, и вы, Михаил Александрович, дадите честное слово, что в моем отряде не будет никаких солдатских комитетов...

– Михаил Гордеевич, – усмехнулся Деникин, – в Красной Гвардии нет солдатских комитетов. Наши потомки, возможно, даже больше, чем все мы, ненавидят тех, кто занимается словоблудием. В чем мог убедиться совсем недавно так «любимый» вами, господин полковник, Румчерод, который господа Бережной и Фрунзе велели разогнать на все четыре стороны. А тех, кто попытался оказать им сопротивление, частью просто-напросто расстреляли, часть посадили в каталажку. Такие вот дела, Михаил Гордеевич. Вы передумали?

– Нет, не передумал, – ответил Дроздовский.

– Ну, вот и замечательно, – удовлетворенно кивнул генерал Деникин, – тогда будем, как говорили в старину, ставить вас и ваших людей на довольствие. Для отдельного батальона вы слишком велики, пусть ваш отряд станет первой офицерской бригадой. Поздравляю, Михаил Гордеевич – вы вступили сегодня, если так можно выразиться, в тайный «орден посвященных». Не каждый получит право на это!

10 декабря (27 ноября) 1917 года. Вечер. Екатеринославская губерния. Мелитопольский уезд. Село Молочанск.

Майор госбезопасности Османов Мехмед Ибрагимович

Большое красное солнце опускалось за горизонт. Пронизывающий ледяной ветер, несмотря на теплый бушлат, пробирал до самых костей. Не очень приятное время, чтобы передвигаться верхами. Но мы предполагаем, а обстоятельства располагают. Кроме того, у Всевышнего во всем этом земном бардаке есть свои планы, в которые, как верили мои предки, вовлечена жизнь не только каждого человека, но даже насекомого или травинки.

Кони цокают копытами по заледеневшей дороге, что в наше время станет трассой Т-0401, и ежатся от холода бравые хлопцы-пулеметчики в покачивающихся на ходу подрессоренных тачанках.

Хотя большая часть нашего отряда перемещалась по железной дороге, маневренная группа примерно в пятьдесят сабель при двух тачанках следовала верхами параллельно железнодорожным путям. Время было беспокойное – мало ли что могло случиться в дороге, – так что иметь пару козырей в рукаве никогда не вредно.

В состав маневренной группы входили три с половиной десятка казаков и пятнадцать хлопцев Нестора Махно. И те, и другие друг друга стоили. Кроме того, нас сопровождали две тачанки: одна казачья и одна махновская. Особенно колоритно смотрелась командная группа, состоящая из вашего покорного слуги, войскового старшины Филиппа Миронова, Нестора Махно, его друга и помощника (в будущем талантливое полевого командира Семена Каретника), контр-адмирала Пилкина и комиссара Анатолия Железнякова.

Обычно в пути мы предавались философским и образовательным беседам, но сегодня погода не располагала. Контр-адмирал Пилкин, кстати, наотрез отказался ехать поездом. Он жадно впитывал впечатления от этого путешествия. Россия открывалась ему с совершенно неожиданной стороны. Профессиональный военный, он, как оказалось, не имел никакого понятия о жизни простого народа. Теперь же адмирал мог своими глазами увидеть тех, кто своим трудом и потом платил за все эти дорогие игрушки: броненосцы линкоры и крейсера, которыми ему довелось командовать. И теперь ему становилось ясно, почему у нас всего этого гораздо меньше, чем у тех же немцев и германцев.

Махно тоже перестал коситься на «золотопогонника» после того, как я ему объяснил, что на море шанс выжить после гибели корабля у офицера значительно меньше, чем у рядового матроса. Ведь, как правило, в случае

гибели боевого корабля вместе с ним гибнет и весь экипаж. Причем часто командир разделяет судьбу тонущего корабля, до последнего оставаясь на его мостике. А общей могилой всем им, офицерам и простым матросам, становится бездонное море.

Позади нас остались Большой Токмак и маленькое немецкое село Петерсгаген, которое, как я прочитал в своей записной книжке, потом станет Кутузовкой. Места эти сейчас густо заселены немецкими колонистами-меннонитами, прибывшими сюда еще в конце XVIII века по приглашению императрицы Екатерины Великой.

Немцы тут обжились и пустили корни. Зажиточные, если не сказать богатые, села-колонии, как правило, были похожи одно на другое. Все они имели одну общую, чисто выметенную и ухоженную улицу вдоль главной дороги. Большие дома в три-четыре окна с высокими двускатными крышами включали в себя и жилые, и хозяйственные помещения. Уютные садочки с ухоженными цветниками под окнами сейчас выглядели голыми. А со стороны хозяйственных построек росло множество фруктовых деревьев.

Особого материального расслоения среди колонистов не наблюдалось. Все встреченные нами немцы выглядели сыто и были одеты в добротную зимнюю одежду европейского покроя. Мужчины были тщательно выбриты, женщины носили не головные платки, а меховые шапки, похожие на чепцы. Хозяйство немцы вели общинным способом, в значительной степени выравнивающим доходы, и даже столыпинская реформа была им не указ. Нищих здесь никогда не было, а если и случалось кому впасть в нищету, то его родственники и соседи помогали ему, засевали своими семенами его поле, давали скотину и инвентарь.

Занимались немецкие колонисты в основном производством зерновых на продажу и на экспорт, выращивая значительную часть так называемого товарного зерна. Причем еврейские хлеботорговцы перекупщики тут конкретно отдыхали, ибо немецкие колонисты имели свои сбытовые организации, и к услугам на стороне не обращались. В этом, возможно, и крылась еще одна причина такой зажиточности, поскольку львиная доля торговой маржи не оседала в карманах жадных спекулянтов.

Особое внимание к жизни немецких колонистов, как человек, понимающий толк в крестьянской жизни, проявил Нестор Махно. В районе Гуляйполя было тоже немало немецких поселений, но за время своей девятилетней отсидки в

«Бутырках» Махно подзабыл реалии сельской жизни. Вернувшись же домой, он сразу был втянут в политику, и разобраться в том, что произошло в селе за время его вынужденного отсутствия, ему было трудно.

Его заинтересовали способы хозяйствования, позволявшие достичь такой зажиточности. Было невооруженным глазом видно, как мозг этого неглупого человека разрывает когнитивный диссонанс. Ведь все, что он узнал от немецких коллег, вступило в прямое противоречие с теми доктринами анархизма, которые он усвоил от своих сокамерников в «Бутырках».

Правда, совсем уж «белыми и пушистыми» немцы-колонисты не были, ибо в значительной мере пользовались трудом наемных сельхозрабочих, сиречь батраков. Вот где были и бедность, и нищета, болезни, и безграмотность. Правда, число таких рабочих все же было меньше числа работавших тут же немцев, а значит, они выполняли в производственном процессе не основную, а вспомогательную роль.

Сильно ударил по немецким колониям пятнадцатый год, когда в Мировую войну вступила Турция, закрыв Черноморские проливы для русского хлебного экспорта. Хлебный рынок рухнул сразу, к тому же война стала раскручивать маховик инфляции, обесценивая реальные деньги. Царское правительство вело себя в финансовом вопросе крайне безалаберно. Стоит вспомнить, что за три года войны, которая в общем-то не ставила перед царской Россией вопрос, быть ей или не быть, цены на все промышленные и продовольственные товары выросли десятикратно, в то время как в ходе куда более тяжелой Великой Отечественной войны, разрушившей половину экономики Советского Союза, рубль обесценился всего лишь в четыре раза.

Видя падение ценности бумажных денег, немецкие колонии стали придерживать зерно, что вызвало кризис уже на внутреннем рынке. Добавило хаоса и введение царским правительством в 1915 году так называемой «продразверстки». Да-да, продразверстка – это изобретение отнюдь не большевиков, а плод сумрачного гения царских чиновников. С хлебом после этого стало совсем туго: его стали откровенно прятать «до лучших времен».

Поскольку в мои обязанности вменялось не только наведение порядка и установление советской власти по ходу следования, но и информирование высшего политического руководства страны о положении дел на местах, то из Большого Токмака в Петроград ушла радиограмма следующего содержания:

Петроград, Таврический дворец, товарищу Сталину. Копии товарищам Ульянову-Ленину и Тамбовцеву.

С целью нормализации сельского хозяйства, увеличения площади посевов зерновых и прекращения состояния хлебного голода, рекомендуется как можно скорее провести отмену продразверстки, с заменой ее на фиксированный натуральный налог, налагаемый на одну пахотную десятину.

Одновременно необходимо ускорить работу по формированию закупочно-сбытовой сельской кооперации, через которую и вести всю работу с сельским населением, а также усилить нажим на хлебного спекулянта, вплоть до полного изъятия имеющихся у него запасов зерна. Именно хлебный спекулянт является главным врагом советской власти на селе, а не добропорядочный сельский труженик.

Товарищу Дзержинскому рекомендуется выявить всех родственников означенных спекулянтов с последующим их вычищением с «волчьим билетом» из всех советских, государственных и общественных учреждений.

Майор ГБ Османов М. Е.

Через пару часов эта радиограмма будет лежать на столе Сталина. А еще через несколько дней выйдет передовица «Правды» с сообщением, что продразверстка отменена, а вместо нее установлен фиксированный хлебный налог – и ее прочитают во всех концах России. И этим будет выбито оружие у господ-товарищей эсеров и их зарубежных хозяев. Им теперь станет трудно вести антисоветскую и антибольшевистскую агитацию. Ведь хлебный вопрос назрел и перезрел. Его следует было решать как можно скорее, чтобы не упустить весеннюю посевную кампанию 1918 года.

О том, что было написано в отправленной мною в Петроград радиограмме, стало известно в отряде. Готовящиеся к выступлению из Токмака казачки тут же принялись обсуждать, где и что они будут пахать и сеять в своих родных станицах, а Владимир Константинович Пилкин, похлопывая себя по бокам руками в щегольских лайковых перчатках, небрежно поинтересовался, где это я успел набраться таких мудреных познаний в области экономики и земледелия.

Я ему ответил в том духе, что у нас в госбезопасности каких только познаний не наберешься. Вот, один мой бывший сослуживец, полковник, на протяжении многих лет даже исполнял обязанности государя-императора, причем получалось это у него куда лучше, чем у полковника Николая Александровича Романова, и тем более у болтунишки-адвоката Керенского.

Нестор Иванович же просто сказал, что, если большевики сделают то, о чем я ему сообщил, то селяне встанут за советскую власть горой. Системе планового государственного грабежа, когда всякая сволочь с мандатом может делать на селе что хочет, надо положить конец. У него в Гуляйполе таких, дескать, выпроваживали далеко и надолго (при этих словах Семен Каретник криво улыбнулся), но что творится и творилось в других местах, особенно при Временном правительстве, он тоже слышал. Кстати, нас самих частенько принимали за такой вот отряд, приехавший «изымать излишки», и переставали смотреть волком лишь тогда, когда убеждались, что это не так.

Короче, еще полчаса такого неспешного конного пути – а там, на станции Полугород, являющейся частью Молочанска, уже стоит наш отрядный поезд, где нас поджидают сытный ужин и сон в теплом вагоне. А завтра с утра все сначала – неспешное движение в Крым (ибо тот, кто торопится, порой рискует и вовсе не добраться до места назначения).

11 декабря (28 ноября) 1917 года. Утро. Швеция. Стокгольм. Васпаркен.

Полковник СВР Антонова Нина Викторовна

Через два месяца после нашей эскапады со спасением гроссадмирала Тирпица я снова оказалась в Стокгольме. Сажу на кухне маленькой конспиративной квартирке в центре шведской столицы и пью чай с плюшками. Теми самыми знаменитыми плюшками, которые так любил Карлсон из еще не написанной детской сказки...

Вдруг я вспомнила, что родительнице Малыша, Карлсона, Пеппи Длинный Чулок, сыщика Калле Блюмквиста и многих других, сейчас только-только исполнилось десять лет, и она пока ничуть не старше большинства своих будущих читателей...

– О чем задумались, Нина Викторовна? – спросил меня сидящий напротив каперанг Владимир Арсеньевич Сташевский, русский военно-морской атташе в Швеции, с которым мы в прошлый раз и организовывали все наши скачки со стрельбой по Стокгольму.

– Да так, вспомнилось кое-что... – ответила я. – Живет сейчас в Швеции, недалеко от Кальмара, девочка десяти лет от роду, по имени Астрид. Сейчас ее фамилия Эрикссон, но мир узнает ее как Астрид Линдгрэн, по фамилии ее мужа. Талантливая и знаменитая детская писательница – можно сказать, я выросла на ее книжках. Вот я и думаю, что бы такого особенного могла бы я сделать для этого ребенка, чтобы ее писательский талант пробудился не во второй половине жизни, а сразу. Ведь многие девочки любят сочинять разные истории, но только единицы становятся знаменитыми на весь мир...

– Тяжело, наверное, вам, Нина Викторовна, – с сочувствием сказал Сташевский, – почти сто лет отделяет вас от родного дома. Столько никто не сможет прожить...

– А, ерунда, Владимир Арсеньевич, – сказала я, допивая чай. – Ведь здешняя Россия – это тоже наш дом. Он не прибран, замусорен и обветшал. Но он НАШ. Господа Гучковы с Керенскими изрядно ее загадили. Но не беда – мы, большевики, не из белоручек. Перетравим клопов и тараканов, засучим рукава, возьмем в руки швабру и тряпку – и лет через пятнадцать вы нашу Россию не узнаете.

– Вы все-таки решились быть в команде господина Сталина? – осторожно спросил Сташевский. – Не слишком ли это рискованно? Здесь о большевиках все больше пишут всякие гадости. Я, конечно, давно уже не был дома, но все как-то боязно. Да и работа засосала – никак не могу от нее оторваться.

– Ерунда! – по возможности авторитетно сказала я. – Надо бы вам и в самом деле дней на десять съездить в Петроград и прослушать там, у Александра Васильевича Тамбовцева, курс лекций по теме информационной войны. При его Информационном Телеграфном агентстве России организованы своего рода курсы повышения квалификации для офицеров Генштаба, членов большевистского ЦК и наркомов. Пускают туда и вольнослушателей. Говорят, что сие мероприятие инкогнито посещает сам бывший государь-император, потерявший трон как раз после поражения на полях информационных битв. Ложь – это такое же орудие капиталистов, как и деньги. Недаром же наши

купцы любили повторять: «Не обманешь – не продашь».

– Наверное, вы правы, – покачал головой Владимир Арсеньевич, – но все же в последнее у меня как-то нет уверенности в собственном будущем...

– Какая уверенность вам нужна? – спросила я, отодвигая от себя чашку в знак того, что больше не хочу чая.

– Такая же, как и у всех разведчиков, – ответил каперанг Сташевский, – я понимаю все опасности моей службы и не прошу чего-то невозможного. Но я хочу знать, что моя служба, мой риск и прочие возможные неприятности все еще нужны моей стране и ее народу. Ходили слухи, что армию в России распускают, а воинские звания отменяют. И будет теперь вместо армии один сплошной вооруженный народ.

– Владимир Арсеньевич, – вздохнула я, – вы немного отстали от жизни. Люди, вынашивавшие подобные планы, давно мертвы. В условиях окружающих Россию опасностей иноземного вторжения ни армию, ни флот никто отменять не будет. Более того, принято решение о возрождении Генерального штаба и превращении его в единый центр планирования всей военной деятельности. Выше Генштаба в военном деле будет только Главком, а более никого. Генеральному штабу должен подчиняться и флот, ибо нельзя допустить ситуацию, когда правая рука не ведает, что делает левая. Вашу родную военноморскую разведку тоже не ликвидируют, а передают в Главное Разведывательное Управление при Генштабе на правах управления. Так что служить вам и служить, господин капитан первого ранга, до тех пор, пока сил хватит. Кстати, и в наше время вы продолжите работать на разведывательное управление Штаба Красной Армии, под оперативным псевдонимом «Адмирал». Так что в звании вас повысят даже.

Сташевский засмеялся и налил себе еще чая.

А я продолжила:

– Вот выполним с вами задание, и обязательно съездите на недельку в Питер. Так сказать, для поправки душевного равновесия. Сами увидите, что при руководстве товарища Сталина медведи по улицам Северной Пальмиры не ходят.

– Хорошо, Нина Викторовна, – улыбнулся каперанг Сташевский, – я непременно воспользуюсь вашим советом. А теперь, давайте и еще раз обсудим наши дела.

– Извините, Владимир Арсеньевич, – ответила я, – чтобы мне не повторять одно и то же дважды, о делах мы поговорим, когда подойдет наш долгожданный коллега. А пока продолжим чаепитие. Уж больно плюшки вкусные...

– Наверное, вы правы, Нина Викторовна, – ответил мой визави, подвигая ко мне поближе блюдо с плюшками и наливая мне душистого чая.

Три звонка в дверь – два длинных и один короткий – прозвучали для нас как сигнал боевой тревоги. Каперанг Сташевский пошел открывать, я же на всякий случай вытащила из сумочки ПСМ.

Но мои опасения были напрасными: в квартиру пришел именно тот, кого ждали. Он был один, что подтвердила сидящая в кафе напротив группа прикрытия. После того, как мы тут пару месяцев назад устроили пальбу с дюжиной покойников, приходилось опасаться не только агентов британского Ми-6 или 2-го бюро французского Генштаба, но и местной полиции.

Когда процедура опознания гостя была закончена, каперанг Сташевский сказал мне:

– Уважаемая Нина Викторовна, разрешите представить вам генерал-майора и графа Алексея Алексеевича Игнатьева, нашего Военного агента во Франции...

– Очень приятно, – сказала я, успев спрятать ПСМ обратно в сумочку.

– Алексей Алексеевич, – сказал Сташевский, – позвольте представить вам полковника Службы Внешней Разведки, Антонову Нину Викторовну. Прибыла к нам оттуда... – Он потыкал большим пальцем куда-то вверх.

Граф Игнатьев по-гвардейски галантно, в полупоклоне, поцеловал мне ручку.

– Наслышан, наслышан, – сказал он, – и весьма польщен знакомством со столь таинственной и одновременно знаменитой личностью. Рижский договор господина Сталина с германцами был подписан не без вашей помощи?

– Отчасти, – уклончиво сказала я. – Хотя, конечно, основные действующие лица в той драме были полковник Бережной и генерал Бонч-Бруевич. Именно они под Ригой посеяли, а потом уже товарищи Чичерин и Сталин пожали урожай. Ну а мы с господином Сташевским лишь были своего рода массовой. Потерпев два сокрушительных поражения подряд, германцы стали сговорчивы. Тем более что мир с нами прорвал продовольственную блокаду Антанты. Но это дело прошлое. А мы хотели бы поговорить с вами о делах настоящих...

– Действительно, – сказал каперанг Сташевский. – Давайте пройдем в комнату, и там продолжим нашу беседу. У Нины Викторовны к нам есть еще одно, очень важное дело. Правда, пока я еще сам не знаю, какое...

– Как вам будет угодно, – сказал граф Игнатъев, неожиданно став серьезным, – я готов оказать любую посильную помощь.

Когда мы расселись вокруг небольшого круглого стола, я сказала:

– А дело вот какое, господа. На конец декабря сего года командование вооруженных сил Советской России запланировало прорыв кораблей Балтийского флота из Балтики в новую базу на Севере, в порт Мурманск. Сделать это необходимо из-за угрозы повторного визита британского флота, от которого дислоцированные там морские силы флотилии Северного Ледовитого океана уже не смогут отбиться. Операция согласована с Германским правительством, так как корабли планируется провести через Кильский канал. От вас, господа, требуется подготовить для этого маневра операцию по обеспечению перехода углем. Необходимо на подставных лиц зафрахтовать несколько крупных пароходов-угольщиков с таким расчетом, чтобы они, загрузившись углем на Шпицбергене, направились на юг, навстречу нашей эскадре вдоль норвежского побережья. Делается это из-за того, что вся внешняя торговля Норвегии контролируется британцами, а они после Рижского мира ни за что не дадут совершить нам эту сделку легально. Само собой разумеется, что ни самим норвежским кораблям, ни их командам ничего не угрожает. Наши моряки просто перегрузят уголь в свои угольные ямы и отпустят их на все четыре стороны.

– Э-э-э, Нина Викторовна... – сказал мне несколько удивленный каперанг Сташевский, – так у всех наших новых кораблей на экономическом ходу дальность плавания превышает расстояние от Киля до Мурманска.

– Это лишь в том случае, – ответила я, – если наши корабли пополнят запас угля в Киле. А потом пойдут через Северное и Норвежское моря экономическим ходом. Британцы, получив сведения о прохождении нашей эскадры Кильским каналом, кстати, тоже так подумают. И, исходя из этого, они будут планировать свою операцию по перехвату нашего отряда.

– Разве Советская Россия воюет с Британской империей? – с деланным безразличием спросил граф Игнатъев.

– Официально нет, Алексей Алексеевич, – ответила я. – Это Британская империя не признала переход власти к правительству Сталина, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Есть такое понятие, как «необъявленная война». В веке двадцатом такое будет частым явлением. Единственное, что сейчас сдерживает Туманный Альбион от прямого столкновения с нами, так это Германия, резко улучшившая свои позиции после Рижского мира. Войны немцам ни в коем случае не выиграть, но шанс свести ее вничью у них теперь появился.

Господа офицеры переглянулись.

– Все понятно, Нина Викторовна, – сказал граф Игнатъев, – мы постараемся сделать все возможное, чтобы выполнить задание. Где и когда должна состояться встреча эскадры с угольщиками?

– Севернее Тронхейма, – сказала я, – в ночь с тридцать первого декабря на первое января – естественно, принятого в Европе григорианского стиля. Точка с координатами примерно пять градусов восточной долготы и шестьдесят пять градусов северной широты.

– Времени вы нам даете не так уж и много, – озабоченно сказал граф Игнатъев, – но мы с Владимиром Арсеньевичем используем все наши связи в коммерческих кругах Норвегии и Швеции, чтобы не подвести наших моряков и обеспечить их углем. Для нас это дело чести.

12 декабря (29 ноября) 1917 года. Позднее Утро. Екатеринославская губерния. Город Мелитополь.

Ясным морозным декабрьским утром со стороны Новобогдановки на станцию Мелитополь-Пассажи́рская Екатери́нинской железной дороги прибыл странный поезд. Мощный паровоз толкал перед собой открытую платформу, где за баррикадой из мешков с песком находился пулемет «максим». На следующей платформе, прицепленной позади паровоза, стоял огромный броневик с небольшой приплюснутой башенкой наверху, из которой торчал ствол пулемета калибром не менее полудюйма. С боков до самых осей всех своих восьми гигантских колес броневик был прикрыт железнодорожными шпалами. В эшелоне было еще четыре классных вагона, на первом из которых красовалась надпись большими красными буквами «Красная Гвардия всех сильнее!». Следом шли теплушки, и завершали поезд еще одна платформа с таким же броневиком и контрольная платформа, заполненная мешками с песком и пулеметами. Шпалы и рельсы, сложенные на контрольных платформах, служили одновременно и защитой от пуль, и материалом для ремонта на случай повреждения путей.

После остановки состава на перроне вокзала выставили оцепление из солдат, одетых в серые с белыми пятнами теплые бушлаты. Казаки с красными звездочками на фуражках начали выводить из теплушек и седлать своих коней. Вскоре во все стороны от станции были выдвинуты разъезды, которые, впрочем, пока не пытались проникнуть в центр города. Отцепившийся от состава паровоз отправился на колонку заправляться водой. Запахло переменами, новой властью и чем-то вообще непонятным. Горожане, за некоторым исключением, наученные горьким опытом революционных перемен, притихли за стенами своих домов.

Чуть позже, когда солнце приблизилось к полудню, со стороны Кизияра по дороге на Новобогдановку в город въехала группа вооруженных всадников при двух тачанках с установленными на них пулеметами. Часть вновь прибывших всадников состояла из казаков с такими же красными звездочками на фуражках, как и у тех, что приехали на поезде. Другие же выглядели непонятно. Вроде одеты не по-военному, но все при оружии. Молодые хлопцы щеголяли ладными черными офицерскими бекешами и мохнатыми бараными папахами. Впереди этого отряда рысила группа всадников, по поведению которых легко можно было понять: едет начальство.

Перекинувшись парой слов с выставленным у въезда в город казачьим разъездом, конная группа направилась в сторону Воронцовской улицы, где на центральной площади, у здания городской управы, прямо под окнами кабинета градоначальника господина Панкеева раскинули свои лотки уличные торговки и шумел жиденский митинг.

Цокали подкованные копыта лошадей, позвякивала конская сбруя и амуниция на кавалеристах, лязгали окованные железом колеса тачанок. Всадники с высоты своих коней поглядывали на жавшихся к стенам домов прохожих, подмигивая местным красавицам, которые нет-нет да и бросали кокетливые взгляды на лихих кавалеристов. Кем были эти пришельцы и каким ветром их занесло в Мелитополь, никто из жителей города не знал. А оттого всем было боязно: какое-никакое начальство у них уже было, и от новой власти (а что эти люди приехали, чтобы установить свою, как здесь говорили, «владу») уже никто не сомневался.

На углу улиц Мариинской и Воронцовской майор Османов жестом остановил свой маленький отряд и, приподнявшись на стременах, прислушался. Впереди раздавались резкие, каркающие фразы и смутный гул множества голосов – похоже, что слушавшие оратора то ли соглашались с ним, то ли, наоборот, высказывали неодобрение.

По информации, полученной от казачьего разъезда, майор Османов понял, что на площади у городской управы митингуют местные большевики и сторонники «Незалежной Украины», которые после разгрома Красной Гвардией Центральной Рады и советизации Одессы разбрелись по небольшим городкам, где пытались вызвать к себе сочувствие, изображая страдальцев за народ, обиженных «клятыми большевиками». Впрочем, все попытки реанимироватьдохлый выкидыш «Украинской Государственности» были тщетны. Селяне, хоть и думали медленно, но все выгоды и убытки от посулов агитаторов за «незалежность» просчитывали на удивление быстро, и бороться за что-то эфемерное, не обещающее ничего материального, не спешили.

– Нестор Иванович, – майор Османов взял за рукав Махно, – давай спешимся и тихонечко подойдем к этому говоруну, послушаем, о чем он там витийствует.

– Хорошо, товарищ Османов, – кивнул тот, – я только шепну своим хлопцам, чтоб они были начеку, и если что, выручили бы нас.

Переговорив о чем-то с Семеном Каретником, Махно слез с коня, передал поводья подскочившему молодому парню, и вместе с майором пошел на площадь, где соловьем заливался оратор.

Мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, плотный, одетый в черное суконное пальто и фуражку, которую обычно носили чиновники средней руки, размахивая руками, обрушивал на селян и местных обывателей фразы, удивительно похожие на те, которые Османову пришлось в начале 2000-х услышать во время служебной командировки на Западную Украину.

– Украинский народ создан из той глины, из какой Господь создает избранные народы... – вещал оратор. – Мы можем жить вольно и богато, но клятые жида, поляки и москаля мешают нашей нации стать великой. Всех врагов – на ножи! Не надо бояться крови – черная кровь наших врагов польет дерево нашей свободы, и оно даст обильные плоды, которыми будет владеть только наша нация!

– А как же русские? – попытался возразить оратору человек средних лет, по внешнему виду мастеровой. – Ведь они же наши братья по классу!

– Если ты настоящий украинец, – грозно сказал человек в черном пальто, – то у тебя не должно быть братьев среди москалей. Запомни раз и навсегда: нашим врагом был не просто режим, царский или большевистский. Наш главный враг – вся московская нация.

«Ба! Так это ж сам пан Дмитрий Донцов! – подумал про себя Османов. – Главный идеолог укронацизма. Он был духовным наставником Степана Бандеры, и создал «интегральный национализм», который до сих пор дает обильные ядовитые всходы на Украине...»

А Донцов продолжал грозить кулаком «клятым москалям и жидам», которые тайно захватили власть в Петрограде, и теперь «желают превратить в холопов и быдло всю великую украинскую нацию».

– Товарищ Османов, – прошептал в ухо майору с трудом сдерживающий негодование Махно, – что ж такое говорит эта сволочь?! Да он хуже царского жандарма! Ведь он натравливает друг на друга украинских и русских селян! Мехмед Ибрагимович, да я этого гада сейчас шлепну собственной рукой!

И Махно зашарил рукой у пояса, пытаясь достать из кобуры свой наган.

– Подожди, Нестор Иванович, не спеши, – шепнул ему майор. – Убить этого, как ты говоришь, гада, проще пареной репы. А нам надо еще узнать, откуда он тут

взялся, кто его послал и что он еще должен сделать, чтобы натравить на власть рабочих и крестьян несознательных граждан, поддавшихся на его агитацию. Да, к тому же этот мерзавец может быть не один. Наверняка он здесь с вооруженной охраной – уж больно уверенно себя ведет... А зачем нам пальба и возможные жертвы? Надо навалиться на них всем скопом, чтобы ни один из сообщников этого говоруна не сбежал! И главное – он нам нужен живым. Пока живым, а там поглядим...

Махно скривился, словно разжевав ломтик лимона, выслушал Османова, но возражать не стал. Так же тихонечко, как пришли, они отступили к терпеливо ожидающему их отряду.

– Нестор Иванович, – сказал ему майор, когда они снова уселись в седла, – ты мне пару часов назад говорил, что у тебя есть хлопцы, которые хорошо знают город?

– Есть, как не быть, – все еще хмурясь, ответил Махно, покосившись на Семена Каретника.

Османов на минуту задумался.

– Тогда, Нестор Иванович, – сказал он, – вот тебе боевая задача. Возьми своих людей и сворачивай налево. Тут не может не быть параллельной улицы, которая не вела бы к задней части площади. Мы тут с товарищем Мироновым немного подождем, а потом не спеша тронемся вперед. Надо напасть на этих мерзавцев с двух сторон так, чтоб никто из них не сбежал. И помните: никакой стрельбы и махания шашкой! Тут много людей случайных, тех, кто просто пришел на площадь, чтобы купить поесть, а заодно послушать, что сейчас творится на белом свете. Можно, конечно, пойти к местным товарищам, только, Нестор Иванович, большевики местные не вызывают у меня доверия, коль он позволяют в центре города выступать таким вот подстрекателям. Потом мы с местной властью познакомимся поближе, и уже по результатам этого знакомства примем решение, оставаться им и дальше властью в Мелитополе или прогнать их к едрене фене.

– Сделаем, Мехмед Ибрагимович, – коротко кивнул Махно и, повернув налево коня, махнул рукой своим хлопцам.

Следом за Махно по улице поскакали Семен Каретник и весь небольшой отряд гуляйпольцев. Надо сказать, что Махно и его хлопцы сильно недолюбливали националистов, которые приезжали из Киева и учили селян уму-разуму. Они обещали устроить всем рай на земле, при условии, если «незалэжной» не помешают это сделать «кляты москали». Ну, а после того, как они прочитали в газетах, которые привез с собой майор Османов, о том, что «радовцы» совсем не против снова посадить им на шею помещиков и ликвидировать советы, Махно и его сорвиголовы возненавидели «самостийников» больше, чем царских жандармов. Питерское телеграфное агентство ИТАР зря свой хлеб не ело и широко растиражировало планы украинских националистов по возврату помещичьего землевладения, а так же намерения бывших союзников по Антанте разделить Россию на полуколонии.

– Мехмед Ибрагимович, – адмирал Пилкин повернулся к Османову, – скажите, а что вы сейчас собираетесь сделать?

– Владимир Константинович, – ответил Османов, – вы же знаете, что, помимо всего прочего, в наши обязанности входит зачистка территории России от разной националистической сволочи. Лозунг единой и неделимой России, который принимают на ура и большевики и монархисты – он ведь требует и практического наполнения. Сами собой эти «самостийники» никуда не исчезнут. Но для начала нужно разобраться, кто тут такой умный и все никак не может успокоиться после разгона петлюровского балагана. Да и с местными большевиками тоже стоит всерьез поговорить, как дошли они до жизни такой. У них тут прямо в центре города малороссов натравливают на русских, а они и ухом не ведут. Что это – глупость или измена?

При последних словах майора Османова комиссар Анатолий Железняков слегка поморщился, но возражать не стал. Действительно, на их долгом пути после выступления из Киева попадались такие, с позволения сказать, товарищи, что трудно было даже понять, от кого больше вреда: от таких вот услужливых дураков или откровенной контры.

Адмирал Пилки хотел еще что-то сказать, но тут войсковой старшина Филипп Миронов посмотрел на майора Османова и коротко сказал:

– Пора, Мехмед Ибрагимович!

Османов кивнул и войсковой старшина, подняв руку, скомандовал:

– Казаки, вперед, рысью, марш-марш!

Хлопцы Махно и казаки Миронова почти одновременно появились на противоположных концах центральной площади Мелитополя, превратив ее в мышеловку. Конные отжали в сторону зевак и активных участников митинга прямо к стене городской управы. Кто-то возмущенно закричал, где-то пронзительно заверещала испуганная дамочка. Толпа, быстро придя в себя, стала дружно напирать на жиденькую цепь конных.

Майор Османов поднял руку и громким командным голосом произнес:

– Граждане митингующие, сохраняйте спокойствие и порядок. Мы бойцы Красной Гвардии. Попрошу всех присутствующих оставаться на своих местах. Обещаю, что после проверки всех случайных свидетелей немедленно отпустят домой.

Толпа несколько успокоилась. Через оцепление к Османову протолкался молодой человек, одетый в солдатскую шинель с красным бантом на груди и студенческую фуражку.

– Товарищи, – сказал он, – я Пахомов Николай Иванович, председатель Мелитопольского комитета РСДРП.

– А к какой фракции вы принадлежите, товарищ Пахомов? – спросил Османов, ловко спрыгнув с коня. – Похоже, вы, Николай Иванович, все еще так и не определились, к кому примкнуть – к большевиками или меньшевиками?

Тот побледнел и судорожно сглотнул слюну. Пока он думал, как ответить, к ним тихо подошли спешившиеся Анатолий Железняков, Нестор Махно и Семен Каретник.

– Товарищи... – наконец собрался с мыслями Пахомов, – вы не подумайте чего... Конечно же, я за большевиков, можете не сомневаться.

– Ладно, товарищ Пахомов, этот вопрос мы обсудим позднее, – сказал Османов, доставая подписанный Сталиным мандат. – Пока же я представляюсь: Османов Мехмед Ибрагимович, полномочный представитель Совнаркома. Вот мои документы. Как видите, они подписаны лично председателем Совнаркома товарищем Сталиным.

– А вот наш комиссар, – он кивнул на Железнякова, – он тоже бывший, хотя и анархист. С вами, собственно, разговор будет позже. Вы подумайте пока, как будете объяснять такой вот нонсенс – в центре города народ агитирует националист, призывающий к отделению от Советской России части ее территории, а большевик, олицетворяющий правящую в стране партию, стоит, все это слушает – и молчит как рыба. Ладно, это все потом, а пока помогите нам разобраться, кто есть кто на этой площади. Вы ведь знакомы с теми, кто здесь находится. Кто из них местный, а кто пришлый?

– Я все понял, товарищ Османов, – немного приободрившись, ответил Пахомов и тут же, не удержавшись, спросил: – А вы будете устанавливать у нас советскую власть?

– Я же сказал – об этом позже, – ответил Османов, – а сейчас подойдите к нашим людям и помогите им отсортировать задержанных.

Минут через пятнадцать на центральной площади у стены городской управы остались только четверо; остальной народ, включая торговков с лотками, перебрался на противоположную сторону площади и боязливо наблюдал оттуда за происходящим. Как говорится – охота пуще неволи.

Трое из задержанных были обычными городскими недоумками, у которых в голове всего два желания – выпить горилки и задрать юбку какой-нибудь девице. А вот четвертый – тот, который совсем недавно витийствовал на площади, был не похож на своих товарищей. Это был мужчина интеллигентного вида с крупным носом, сардонической складкой у рта и злобными глазами под нависающими бровями.

– Это, – указывая на носатого, сказал Османову Пахомов, уже освоившийся и почувствовавший себя какой-никакой, а властью, – Дмитрий Донцов, наш главный самостийщик, сын местного купца-богатея, правда, ныне уже покойного. Появился он тут недавно, и сразу же начал мутить воду.

– Интересно... – тихо произнес Османов. Потом, повернувшись к Махно, сказал: – Нестор Иванович, – ты у нас тут советская власть. И хотя это не ваш уезд, но власть все же в Мелитополе тоже народная, и ты ее должен защищать вот от таких пакостников. Я попрошу, чтобы твои хлопцы побеседовали с этим господином, – Османов указал на Донцова, – и разузнали, откуда он тут взялся и что ему велели делать его хозяева. Да, и пусть его приведут сюда – хочу на него посмотреть поближе. Любопытный экземпляр националиста, скажу я вам...

Вскоре двое хлопцев подтащили к Османову извивающегося Донцова. Одна рука у него висела плетью после удара нагайкой. Второй он поглаживал поврежденное плечо и тихо поскуливал.

– Вот, нашли у него, пытался достать из кармана... – сказал один из махновцев, протянув на ладони Османову маленький карманный пистолет.

– «Штейр-пайпер» образца одна тысяча девятьсот девятого года, под патрон браунинга... – определил майор, взглянув на знак фирмы на рукоятке пистолета. – Дамская игрушка. Оставь его себе, хлопец, дивчине своей подаришь, для нее он будет в самый раз.

Махновцы и казаки дружно заржали. По их понятиям, мужчина, таскающий при себе подобную дамскую короткоствольную пукалку, не заслуживал к себе уважения.

– Так-так, – сказал Османов, глядя в перекошенное от боли и злобы лицо Донцова, – вот где пришлось встретиться. Я-то думал, что вы еще во Львове. А вы, оказывается, подались от австрияков до дому до хаты. И почему это вдруг вас потянуло на перемену мест? Расскажите, пан Донцов, не стесняйтесь, здесь все свои.

– Ничего я тебе не скажу, большевистская сволочь! – яростно крикнул Донцов. Он попытался было вырваться из рук махновца, но тот был начеку, и, рванув за шиворот, осадил не в меру ретивого националиста.

– Жаль, – сказал Османов, – только теперь, вместо вежливого следователя вроде меня, вам, пан Донцов, придется побеседовать с очень невежливым следователем... – Майор посмотрел на Каретника. – Семен Никитич, вы не могли бы найти подходящее место, товарищ Пахомов вам в этом поможет, и там

задушевно побеседовать с паном Донцовым? Надо узнать у него, зачем он приехал сюда из Львова и какое задание получил от тех, кто его сюда послал. Ну как, сумеете? – Османов вопросительно посмотрел на Каретника.

– Ага, сумеем, товарищ Османов! – прищурившись, сказал Каретник, обходя по кругу Донцова. – Давай, веди, товарищ Похомов, показывай, где тут можно без помех поговорить по душам с этим гадом!

Донцов, сообразив, что теперь за него возьмутся настоящие заплечных дел мастера, побледнел и на подгибающихся ногах зашагал в сторону входа в городскую управу.

– А что с остальными делать будем? – поинтересовался Махно, посмотрев на трех помощников Донцова, испуганно притихших у стены. – Вот, посмотри, товарищ Османов, что у них мои хлопцы нашли... – И он показал на валявшиеся на старом мешке из-под овса обрез трехлинейки, два ножа и пистолет «браунинг № 2».

– Вот что еще у них было в карманах. – Махно протянул Османову картуз одного из парней. В нем лежали два золотых крестика, золотые женские сережки с красными камушками, золотые часы с двойной крышкой и пачка мятых царских денег и «керенок».

Османов взял часы и прочитал надпись на крышке. «Ого, – подумал он, – часики-то эти явно «с чужого плеча»... Судя по надписи, они были подарены титулярному советнику Сомову Викентию Сергеевичу его сослуживцами в день сорокалетия...»

– Нестор Иванович, – сказал Османов, – похоже, чэти орлы помогают пану Донцову не только словом, но и делом, не забывая при этом и себя. Дело пахнет уголовщиной... – Он на минуту задумался, потом махнул рукой в сторону кучкующегося поодаль народа. – Знаешь что, товарищ Махно, возьми-ка своих хлопцев и этих бандюг, да расспроси местных об их похождениях. Если что, вспомни декрет товарища Сталина о бандитах и погромщиках. Вопросы будут?

– Нет, товарищ Османов, – все понятно, – сказал Махно.

Он подошел к обмершим от испуга парням и, зло ухмыльнувшись, сказал, помахивая нагайкой:

– Айда за нами, душегубы. Будем народ о ваших «подвигах» расспрашивать...

Пока Махно занимался проведением следственных действий и очными ставками, Каретник беседовал «о любви и дружбе» с духовным предтечей бандеровцев. Похоже, что они быстро нашли общий язык. Донцов понял, что с ним здесь не будут церемониться, и «поплыл».

Минут через двадцать двери городской управы распахнулись, и на площадь вышли улыбающийся помощник Махно и Донцов, внешне не поврежденный (если не считать наливающегося синяка под глазом и чуть прихрамывающей походки).

– Так что, товарищ Османов, – сказал Каретник, небрежно помахивая плеткой, – пан Донцов понял свою неправоту и готов ответить на все вопросы, которые вы ему зададите. Если он что-то и забудет, то можно будет снова вернуться и продолжить наш с ним разговор.

Услышав последние слова, Донцов вздрогнул, непроизвольно поднес ладонь к глазу, который уже совершенно заплыл, и быстро-быстро закивал головой, подтверждая, что да, он действительно готов к откровенному разговору.

Из последующего допроса Османов выяснил, что пан Донцов под чужим именем перешел бывшую линию фронта на юго-западе почти сразу же после того, как Австро-Венгрия после заключения Рижского мира под давлением Германии прекратила боевые действия. Вскоре начались переговоры между австрийской и советской делегациями о заключении мирного договора. По одной из договоренностей, Австро-Венгрия обязалась прекратить на своей территории деятельность всех организаций антирусской направленности.

Остаться во Львове Донцову уже не имело смысла. Доброжелатели из местной контрразведки сообщили ему, что его личностью уже заинтересовались в Вене, дабы интернировать творца теории «интегрального национализма» как нежелательного иностранца. Ему ничего не оставалось, как убраться со Львова подобру-поздорову. Он оправился в Киев, чтобы там вместе с единомышленниками продолжить борьбу против России, которая, словно взбесившийся паровоз, рвалась, по его словам, к мировому господству.

Но едва он добрался до Житомира, как в Киеве и Виннице отряды Красной Гвардии разоружили части, подчинявшиеся Центральной Раде. Петлюра и Винниченко угодили за решетку, а Скоропадский оказался под домашним арестом.

Казалось, рухнуло дело всей его жизни. Старые хозяева готовы были отдать его на растерзание москалям. Но Донцов, после нескольких дней, проведенных в прострации и упадке духа, подсуетился и нашел новых хозяев. Знакомый еще по работе в «Союзе по освобождению Украины» националист направил его во французскую военную миссию, курирующую формирование чехословацкого корпуса. Французы подобрали и обогрели Донцова, дали денег и, пообещав в дальнейшем постоянную материальную поддержку, посоветовали отправиться на юг, в родные места, и начать там подготовку к восстанию против советской власти под лозунгом: «Прочь от Москвы!» и «Украина понад усе!».

Прибыв в Мелитополь, Донцов начал собирать банду недоумков, готовых убивать и грабить под любыми лозунгами, лишь бы не нести за это никакой ответственности. Но тут прибыл со своей командой майор Османов и прикрыл эту лавочку на корню.

– В общем, мне все ясно, товарищи, – сказал Османов, когда Донцов прекратил дозволенные речи. – Не с австрийцами и немцами, так с французами и британцами. С кем угодно, лишь бы против москалей. Болезнь неизлечимая. Следовательно... Нестор Иванович, – обратился он к подошедшему к нему Махно, – как у вас в селе поступают с лошадью, заболевшей сапом?

– Пристреливают, Мехмед Ибрагимович, чтобы не заражала других лошадей, – ответил Махно. – Сап ведь такая зараза, что его ничем не вылечишь.

– А скажи мне, можно ли болезнь, которой болен пан Донцов, сравнить с сапом?

– Можно, – зловеще ухмыльнулся Махно. – Это ж где ж такое видано – призывать убивать таких же, как и они, людей, лишь за то, что они не украинцы. Я все понял, товарищ Османов! – И он расстегнул кобуру своего «нагана».

Побледневший как полотно Донцов зашатался и стал медленно сползать по стенке на землю.

– Да, Мехмед Ибрагимович, – сказал Махно, – мы тут разузнали, откуда у тех байстрюков часы, деньги и сережки с крестиками. Люди сказали, что это все принадлежало семейству одного городского чиновника. Три дня назад он с женой и дочерью отправился на бричке в Новобогдановку. Там у него старая мать живет. Старушка приболела, и попросила сына приехать к ней, навестить. Уехали они туда, но так до места и не доехали. А вчера нашли люди бричку без лошадей и три трупа. Викентия Сергеевича застрелили, а его жену и дочку сначала насильничали, а потом зарезали. Похоже, что это дело рук вот этих вот поганцев... – И Махно с ненавистью посмотрел на притихших бандитов.

Под его взглядом те обмякли, а потом, не сговариваясь, дружно бухнулись на колени.

– Люди добрые, помилосердствуйте! По глупости мы это сделали, спьяну! – завопили они. – Нам вот этот сказал, – душегубы стали тыкать пальцами в сторону Донцова, – дескать, убьете москаля – сделаете доброе дело! Он во всем виноват, подлюка!

– В общем, Нестор Иванович, – сказал Османов, – вот тебе эти убийцы и насильники, делай с ними что хочешь.

Махно со своими хлопцами поставил всех четверых бандитов у стены одного из амбаров на городской площади, потом выступил перед собравшейся толпой, рассказав им, что выполняет декрет председателя Совета Народных Комиссаров товарища Сталина, в котором говорится, что задержанные с поличным грабители, насильники и убийцы подлежат расстрелу на месте. Эти слова толпа мелитопольцев встретила одобрителем гулом. Затем сухо треснул залп из винтовок – и четыре фигуры упали у стены.

А потом наступила тишина... Слышался лишь грай испуганных выстрелами ворон, мечущихся над кронами деревьев, да тихое позвякивала сбруя на переминавшихся с ноги на ногу лошадях.

– Мехмед Ибрагимович, – тихо спросил до этого все время молчавший адмирал Пилкин – единственный, кто проводил грешные души бандитов крестным знаменем, – скажите, а может, все как-то по-иному можно было сделать?

– Владимир Константинович, – так же тихо ответил Османов, – в том то и дело, что нельзя. Их уже нельзя было исправить. Знаете, в джунглях Индии тигр, попробовавший человечины, на всю жизнь становится людоедом. Этих бандитов и насильников тоже может исправить лишь могила. А господин Донцов, если и сам лично и не убивал, но своим подстрекательством к убийству не меньше виноват, чем его подручные. Пусть он даже и прикрывал их мерзкие поступки разными красивыми словами.

– Правильно говорите, товарищ Османов! – сказал Махно, подходя к майору и адмиралу. – Не успели мы одних господ скинуть, так сразу новые нам на шею лезут, да еще тянут за собой своих господ – то есть то австрийцев, то французов. Тьфу!

– Закончим на этом, товарищи, – сказал Османов, оглядывая окружающих его людей. – Пора, наконец, установить в Мелитополе народную власть – советскую. Где товарищ Пахомов?

– Здесь я, – ответил предводитель местных эсдеков, только что объявивший себя большевиком.

– Значит так, – сказал Османов, – Советская власть – это порядок в городе и соблюдение всех прав трудящихся. И это совсем не то, о чем думают некоторые. Никакого самоуправства, конфискаций, экспроприаций и расстрелов кого-либо по классовому признаку. Если будут замечены хоть какие-то из перечисленных мной явлений, то это будет считаться бандитизмом со всеми вытекающими из этого последствиями. – Майор кивнул головой в сторону стены, где лежали тела расстрелянных. – Понятно, товарищ Пахомов?

– Понятно, товарищ Османов, – кивнул тот; ему почему-то уже совсем не хотелось становиться главой этой самой советской власти в городе Мелитополе.

– Очень хорошо, – сказал Османов, – сейчас мы все отправимся в здание управы, найдем вашего градоначальника господина Панкеева и объясним ему политику нашей партии. Он, как градоначальник, пусть занимается городским хозяйством, чистотой на улицах, качеством мостовых, вывозом мусора и нечистот, городскими учреждениями образования и здравоохранения. То есть всем тем, о чем вы, профессиональные революционеры, и понятия не имеете. Вашей же обязанностью, как председателя совета народных депутатов, будет следить,

чтобы в городе соблюдались все декреты, постановления и законы советской власти. Кроме того, с сегодняшнего дня в городе начнет действовать управление народного комиссариата внутренних дел, к работе которого должны быть привлечены бывшие сотрудники бывшего полицейского управления. Разного рода люмпены, бандиты, воры вовсе не являются нам классово близкими, поскольку хлеб свой добывают не честным трудом, а грабежом, в том числе и простого народа. Подчиняться управлению НКВД будет не вам и не градоначальнику, а напрямую товарищу Дзержинскому в Петрограде. Вы же, со своей стороны, должны подобрать два-три десятка молодых грамотных товарищей для включения их в штат этого управления для контроля за действиями бывших полицейских и для обучения ремеслу сыщика. Вам все понятно, товарищ Пахомов?

- Да, понятно... - тяжело вздохнул тот.

Майор Османов посмотрел на часы и махнул рукой.

- Тогда пошли, товарищи!

Три часа спустя Османов, Железняков, Махно и Пилкин вышли на площадь, урегулировав все вопросы и оставив в здании городской управы совершенно одуревших от свалившихся им на голову обязанностей Панкеева и Пахомова. На какое-то время обоим хватит заряда полученного оптимизма. Ну, а потом, примерно через месяц, через Мелитополь на Дон громить Краснова и Каледина пройдет корпус Красной Гвардии полковника Бережного, и сопровождающие корпус товарищи из Петрограда заботливо поправят образовавшиеся перекосы.

На городской площади было пустынно. Трупы уже вывезли за город, чтобы закопать в безымянной могиле, а дворники присыпали чистым речным песком пятна крови. Возле казачьей тачанки переминался с ноги на ногу мальчишка лет десяти, одетый хоть в чистую, но поношенную и заштопанную на локтях, не по росту большую рубашку.

- Вот, Мехмед Ибрагимович, - сказал Миронов, - мальчишка просится с нами, говорит, что сирота и хочет бороться за советскую власть. Я сказал ему, чтобы ждал вас, так как вы наш главный начальник.

– Сироту бросать нехорошо, Филипп Кузьмич, – ответил Османов и взмахом руки пригласил мальчика подойти.

– Дяденька военный! – сказал подбежавший мальчик. – Возьмите меня с собой, я вам пригожусь!

– Конечно, пригодишься, молодой человек, – сказал Османов, опускаясь перед мальчиком на корточки, чтобы разговаривать лицом к лицу. – Скажи-ка мне, юноша, а как тебя зовут?

– Пашкой кличут, – ответил малец, шмыгнув носом. – Пашкой Судоплатовым.

– А отца твоего как звали? – машинально спросил несколько обалдевший Османов.

– Анатолием, – ответил пацан. – Только помер он в этом году... – И мальчик снова шмыгнул носом.

– А мать у тебя жива? – спросил Османов.

– Жива, дяденька, – сказал будущий гений советской разведки. – Только нас у нее четверо, и ей всех не прокормить. Возьмите меня с собой, дяденьки, я грамотный – читать и писать умею. Я вам пригожусь!

«Так... – подумал Османов, – придется его взять. Ведь, если не с нами, то с другими, но из дома убежит. Пропадет ведь...»

– Хорошо, сказал Османов, выпрямляясь и беря мальчика за руку, – идем.

Подойдя к своему коню, Османов птицей взлетел в седло и попросил войскового старшину Миронова:

– Филипп Кузьмич, а ну-ка подай мне этого героя...

Усадив юного Павла Судоплатова перед собой, майор Османов посмотрел на багровое солнце, склонявшееся к горизонту, и скомандовал:

– По коням! Рысью, марш-марш!

12 декабря (29 ноября) 1917 года. Полдень. Остров Гельголанд.

Капитан-лейтенант кайзермарине Лотар фон Арно де ла Перьер

Вот мы и дома. Низкое, серое небо Северного моря, короткая злая волна, пронизывающий ледяной ветер. Но при всем при том дом есть дом, каким бы он ни был. Самое главное, мы вернулись, сделав то, на что в обычных условиях нельзя было и рассчитывать. Успех похода был оглушительным. На счету у наших русских кригскамрадов оказались два крупнейших британских трансатлантических лайнера, перевозивших американскую пехотную дивизию. Думаю, что янки, которые никогда не отличались особой храбростью и всю свою историю предпочитали воевать с индейцами или мексиканцами, теперь призадумаются, а так ли нужна им эта война в Европе...

Северная Атлантика в это время – большая холодная братская могила, в которой места хватит для десятков тысяч человек. В ней уже нашли свой конец шестнадцати тысяч американцев. У них практически не было шансов уцелеть. Они были приговорены к ужасной гибели еще в тот момент, когда герр Алекс, беспощадный, как средневековый викинг, произносил роковые слова: «Боевая тревога, торпедная атака!».

При этом я не заметил ни в ком из русских ни колебаний, ни сожалений. Мы, немцы, несмотря на то, что пресса Антанты изображает нас свирепым воинством Аттилы, на самом деле народ сентиментальный. И поэтому мне даже стало немного жалко тех американских парней, которых хитросплетения мировой политики и Божий промысел обрекли на безвременную страшную смерть в морской пучине.

Но я тут же вспоминаю про наших солдат, сидящих сейчас в заливаемых жидкой грязью окопах Западного и Итальянского фронта. И вся моя жалость к погубленным нами американцам сразу исчезает. К тому же я не забыл, что до того, как наш любимый гросс-адмирал Тирпиц заключил с русскими мир, Алекс и его кригскамрады с такой же свирепой жестокостью топили немецкие корабли и убивали немецких солдат.

Однажды после вахты, когда мы сидели в его каюте и развлекались тем, что русские называют «задушевым разговором», Алекс сказал мне:

– Понимаешь, Арно, там, у Моонзунда, вы воевали с нами. Нельзя было просто сказать вам: «остановитесь и уходите». Нас бы просто никто не услышал. Чтобы потом заключить почетный мир с вашей страной, нам нужна была убедительная победа, и мы ее добились. Теперь же нам с немцами нам почти нечего делить... Потому-то вы на моей субмарине, а мы топим ваших врагов...

– Алекс, – неосторожно спросил я, – а если бы нам, русским и немцам, было бы что делить на этой войне?

– Тогда, – жестко ответил фрегаттен-капитан Павленко, – эта война окончилась бы подписанием капитуляции в разрушенном и заваленном трупами Берлине. Вся эта дурь с разложением армии, солдатскими комитетами, братаниями и прочей ерундой стала возможна только потому, что русский солдат не видел в солдате немецком своего смертельного врага. Когда мы, русские, начинаем драться всерьез, то пощады не жди...

Он немного помолчал, а потом спросил:

– Арно, ты ведь знаешь, что фельдмаршал Гинденбург планировал с цеппелинов бомбардировать Петроград бомбами с хлором и ипритом? Ты можешь представить, сколько мирных обывателей, женщин, детей и стариков могло погибнуть из-за этого маньяка? Среди них могло быть и немало немцев. Ведь нет такого крупного города в России, за исключением, пожалуй, Риги, где бы жило столько немцев, сколько в Петербурге. И если бы это произошло, Арно, вы бы узнали, что такое настоящая война по-русски. По счастью, наша разведка и наше командование оказались на высоте, а наша авиация разбомбила базы цеппелинов и склады с химическим оружием. И не случилось того, после чего почетный мир бы между нами оказался бы невозможен. А потом под бомбами пришел конец и самому Гинденбургу. И вот, Арно, сейчас мы с тобой больше не враги, а соратники, и почти союзники.

– Да, – сказал я, – понимаю. Вы, русские, уже прислали в Германию хлеб, и голод в наших городах сменился недоеданием. Это, конечно, тоже плохо, но нашим людям уже не грозит голодная смерть. Когда я из Австрии ехал в Гамбург, то своими глазами видел то, что я бы назвал новым «Великим переселением

народов». Эшелоны... эшелоны... эшелоны... Пехота, кавалерия, артиллерия. И все – с востока на запад, один за другим. Думаю, что британцы и французы должны уже запаниковать. Но вот ведь вопрос – как долго продлится наша дружба?

– Арно, – сказал Алекс, – хоть среди вас, немцев, порой и попадаются откровенные мерзавцы и садисты, но в основном на вас можно положиться. Пока вы не разобрались со своими противниками на Западном фронте, никаких пакостей мы от вас не ждем. Потом, возможно, кого-то из немецких политиков может одолеть жадность, и он захочет украинских черноземов и кавказской нефти. Но это может случиться, а может и нет... С англосаксами все значительно хуже. Они даже во время войны так и норовят подставить своего союзника, заставить нести ненужные потери или терпеть поражение, чтобы увеличить за его счет свою долю добычи. Вот где у нас сидят все эти англичане и американцы, которые так гордятся своей свободой и демократией, а на самом деле являются не более чем жуликами и ворами. Эта вторая причина, по которой наше командование так поспешно вывело Россию из войны. Союз с теми, кто не знает таких понятий, как честность и совесть, смертельно опасен. Запомни это, Арно – у вас в Германии среди политиков тоже хватает англофилов. Ты, дружище, весьма уважаемый в Германии человек. Когда закончится война, подумай, не стоит ли тебе заняться политикой, собрав вокруг себя всех честных людей. А иначе политика займется вами...

Я понял, что этот разговор Алекс завел неспроста, и что он хотел им дать мне пищу для размышлений. Ведь мой собеседник был не простой человек. Если честные люди не будут стремиться во власть, то их место займут негодяи.

На следующий день, когда субмарина уже была в Северном море на подходе к Гельголанду, мы вдруг обнаружили, что вокруг нас полно минных банок, противолодочных сетей, британских миноносцев, корветов и вооруженных траулеров. Через некоторое время был обнаружен и центр, вокруг которого клубился весь этот британский «зверинец». Им оказался линейный крейсер типа «Лайон», патрулировавший Северное море и, скорее всего, являвшийся флагманом и защитником всей этой мелюзги. Что же, зря он оказался прямо на нашем пути к базе... Какой же настоящий подводник сможет спокойно пройти мимо такой роскошной добычи?

Фрегаттен-капитан Павленко приказал перейти на батареи, убрать РДП и продолжать подкрадываться к цели в самом малозаметном режиме. РДП – это

гениальное русское изобретение, позволяющее использовать дизели и вентилировать отсеки, находясь на перископной глубине. По-немецки это устройство называется «шнорхель», и теперь им будут оснащаться все немецкие подводные лодки, на горе и ужас британцев.

Хотя здесь и было все значительно сложнее, чем при охоте на «Мавританию», но малошумный режим для этой лодки – нечто невозможное в наши дни. Алекс мне говорил, что его «Алроса» и в двадцать первом веке была самым бесшумным подводным кораблем мира.

Мы подкрались на дистанцию торпедного выстрела, не поднимая перископ и ориентируясь только с помощью акустики. Таким образом, нам удалось до самого последнего момента оставаться незамеченными для многочисленной свиты британского линейного крейсера.

Двухторпедный залп, тиканье секундомера... Сначала мы услышали сдвоенный взрыв, а потом грохнуло так, что вздрогнула вся лодка. На британском корабле, похожее, взлетели на воздух то ли артпогреба, то ли котлы, то ли и то, и другое одновременно... И сразу нам стало понятно, что у британского короля теперь на один линейный крейсер меньше. Нас при этом даже не заметили.

Тут дело было в еще одной хитрости русских. В наших торпедных аппаратах торпеда выбрасывается наружу сжатым воздухом, и местоположение подводной лодки выдает лопающийся на поверхности воздушный пузырь. У русских все хитрее. У них сжатый воздух толкает поршень, который вытесняет воду, в свою очередь выбрасывающую торпеду из аппарата. Никакого пузыря воздуха нет, и лодка не демаскируется.

Пока британцы суетились, искали того, кто потопил их флагман и занимались спасательными работами, мы тихо-тихо проскочили прямо к базе, всплыв чуть ли не у самых боновых заграждений.

– Алекс, – сказал я фрегаттен-капитану Павленко, когда все закончилось, и мы были в безопасности, – думаю, что британского льва кто-то хорошенько растревожил, раз уж прямо возле наших баз они проявили такую активность.

– Скорее всего, они так торжественно хотели встретить нас с тобой, – ответил он. – Очевидно, британцы уже догадались, чьих рук дело – потопление

«Олимпиака» с «Мавританией» – и теперь желают отчитаться перед своими американскими союзниками об уничтожении нашей подлодки. Ведь обычная германская субмарина была бы весьма уязвима для такой облавы, возвращаясь в базу на дизелях и в надводном положении... Но, как говорят у нас, лимонники пошли по шерсть, а вернулись стриженными. В следующий раз будут уже осторожнее.

– Да, – сказал я, подумав, что следующий раз буду один перед лицом проблемы, – они точно будут еще осторожнее.

А на пирсе нас торжественно встречал сам гросс-адмирал Тирпиц – с оркестром, цветами и двумя жареными молочными поросятами. Оказывается, есть у русских подводников такой вкусный обычай – по поросенку на потопленный корабль. Я намекнул, что неплохо бы прибавить еще одного поросенка, ведь на нашем счету был еще один потопленный нами корабль, причем не менее ценный, чем два трансатлантического лайнера.

Прямо же тут, на пирсе, я получил из рук моего любимого адмирала погоны корветтен-капитана, Рыцарский крест и приказ о назначении командиром большой подлодки U-157, которая должна стать флагманом целого отряда из шести однотипных кораблей.

Попрощавшись со своими русскими друзьями, я немедленно убыл в Гамбург, где велась подготовка к первому групповому походу отряда подводных лодок в Атлантику. Моей задачей было, используя опыт похода с русскими, проверить, все ли сделано правильно, и не надо ли еще чего еще изменить или исправить, пока есть время. Алекс, кажется, называл такие отряды «волчьими стаями». Ведь волки не охотятся в одиночку.

В войне на море против Британии наступал новый этап, и грядущий 1918 год определит победителя в этой борьбе.

13 декабря (30 ноября) 1917 года. Утро. Екатеринославская губерния. Станция Новоалексеевка в тридцати двух километрах перед Чонгарским мостом.

Утром 13 декабря по старому стилю железнодорожная станция Новоалексеевка и пристанционный поселок выглядели так, словно через них прошла банда

буйных ландскнехтов герцога Валленштейна. Выбитые стекла в окнах вокзала, разгромленные лавки... Холодный сырой ветер, дующий с Сиваша, раскачивал труп повешенного на фонаре мужчины в окровавленном исподнем. Местные жители в ужасе попрятались по домам и не показывали на улицу носа. Но это не спасало их от расправы тех, кто сейчас правил бал в Новоалексеевке.

Захватчиков интересовали две вещи – самогон и бабы. Ну и чужое барахло, естественно. В поисках всего этого они были беспощадны. Насилия и убийства стали в Новоалексеевке обыденным делом. Станцию «взял на шпагу» (не подберешь другого слова) отряд р-р-революционных матросов, большевиков и анархистов, в середине ноября самовольно отправившихся из Севастополя на Дон «бить Каледина». А чего было его бить? В этой версии истории Войсковой атаман Донского Казачьего войска генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин находился в весьма противоречивом положении, поскольку ход событий просто не давал ему повода к чему-нибудь такому контрреволюционному.

Приход к власти правительства Сталина 13 октября по старому стилю и начало новой фазы революции на Дону поначалу просто не заметили – настолько буднично и обыденно это случилось. Еще одна проходная фигура, решили все. И ошиблись. Тем более что в те дни все внимание было приковано к сражению, разыгравшемуся в водах вокруг острова Эзель. Местные газеты, не получая из Петрограда достоверной информации, занимались придумыванием подробностей разгрома немецкого флота и десанта. Впрочем, они отмечали некую несуразность и фантастичность всего происходящего. Давно на фронте не случалось ничего даже близко похожего. Да и газетам на Руси к этому времени уже перестали верить.

Первые декреты нового правительства «О Земле» и «О Мире» на Дону встретили тоже в целом положительно. Казаки не остались в стороне от так называемого «черного передела» земли, происходившего в России летом семнадцатого. Не тратя время попусту, они оперативно растащили по своим станицам и хуторам имущество немногочисленных в Донской области помещичьих усадеб. Да и воевать непонятно за что казакам давно уже поднадоело.

Подтверждение новым правительством территориальной целостности России, воссоздание МВД, сталинский декрет «О беспощадной борьбе с преступностью» и последовавший за этим разгром мятежа Свердлова-Троцкого, произведенный с неожиданной решительностью, даже жестокостью, настолько соответствовали самым глубинным чаяниям атамана Каледина, что он даже послал председателю

Совнаркома товарищу Сталину поздравительную телеграмму. Было такое дело.

В ответной телеграмме Сталин поблагодарил атамана за правильное понимание политического момента и сообщил, что «при соблюдении лояльности к центральной власти и принципа неделимости территории России, а также при соблюдении советского выборного законодательства, казачьи войсковые круги могут быть уравнены в правах с местными Советами, со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Насколько эта телеграмма, кстати, напечатанная в донских газетах, успокоила Каледина и его окружение, настолько же она встревожила руководство местных советов, в основном имевших влияние в промышленных городах: Ростове и Таганроге.

Совнарком занял примирительную позицию по отношению к казачеству, а это ставило крест на планах полного захвата власти и сведения старых счетов. Среди рабочих промышленных городов, солдат запасных полков, иногородних и слоев беднейшего казачества была развернута бешеная агитация за силовое свержение «калединщины». Товарищи в Ростове решили взять власть силой и поставить Сталина перед фактом. Не понимали эти недоумки, что ставить Сталина перед фактом – вещь, чреватая большими для них неприятностями.

Тем временем события понеслись галопом. В течение короткого отрезка времени случились: отмена осенних выборов в Учредилку и назначение на весну всеобщих выборов в Советы всех уровней, обращение к народу бывшего императора Николая II, заявившего о поддержке правительства Сталина. И самое главное – как гром с ясного неба, «Рижский мир». Заключение мирного договора с Германией и прекращение боевых действий с Австро-Венгрией стали приятным сюрпризом для населения России. Для союзников по Антанте оно стало громом среди ясного неба. Им предстояло теперь сражаться один на один с армиями Германии и Австро-Венгрии. Эмиссары Антанты наперебой стали осаждать атамана Каледина, требуя, чтобы он разогнал на Дону Советы, ввел военное положение и объявил «самостийную Донскую область», заявив о «верности союзническому долгу» и о «продолжении войны до победного конца». Только их никто и слушать не захотел. Казаки, досыта наевшиеся бессмысленной войной, отнюдь не рвались воевать с немцами или с кем-нибудь еще, о чем этим «союзникам» и было прямо и грубо заявлено.

Все это еще больше обострило желание местных революционеров взять власть. И тогда, чувствуя, что дело пахнет керосином, 27 октября по старому стилю атаман Каледин разогнал Советы в Ростове и Таганроге, арестовал их вожаков и, «не желая проливать кровь», выслал их за пределы Донской области.

Дон замер в ожидании, как отреагирует на все это Петроград. А Петроград вообще, и Сталин лично, не реагировали никак. Тем более что у них и других забот хватало. К тому же разогнанные советы были, мягко говоря, далеко не лояльными Петрограду. Заседавшие в них демагоги зачастую, кроме умения произносить длинные и трескучие речи о «торжестве мировой революции», больше ничего не умели.

Изгнанные члены донских совдепов «пошли, солнцем палимы». А тут им навстречу катят в эшелонах «братишки-черноморцы», которым сам черт не брат... Правда, до границ Донской области из двух с половиной тысяч моряков доехало меньше половины. Остальные по дороге «самодемобилизовались». К тому же в поход на Дон они отправились, можно сказать, самовольно – ведь I-й общечерноморский съезд военных моряков им на это своей санкции не давал. Большая часть делегатов справедливо опасалась, что этот поход станет первым актом гражданской войны. Но к тому времени в Севастополе уже царила полная анархия, когда все были себе командирами. Например, кроме большевистско-анархистского «похода на Каледина», еще восемьсот матросов-украинцев с оружием в руках отправились на помощь Центральной Раде. Правда, до Киева они так и не доехали, бесследно сгинув на бескрайних просторах Незалэжной, пополнив ряды многочисленных банд и отрядов «вольных казаков». В Севастополе же в общем-то даже были этому рады этому исходу: удалось сбавить значительную часть наиболее отможенных и неуправляемых «братишек».

А вот отряд революционных матросов на Дону оказался бит в хвост и в гриву. Причем не мифическими войсками атамана Каледина, которых просто не существовало в природе, а отрядами самообороны, мгновенно образовавшимися при их приближении в станицах и хуторах. Ни казаки, ни иногородние совсем не желали, чтобы какие-то пришлые устанавливали у них свою власть, попутно занимаясь «революционными реквизициями (или, говоря проще, обычным грабежом). С точки зрения «классового чутья» крестьянских парней, выходцев из нищих нечерноземных губерний, все живущие на зажиточном Дону казались «буржуями и иксплататорами». Так что грабеж был поголовным.

Местные отвечали пришлым не менее горячей любовью. А так как верховодили в отрядах самообороны частично вернувшиеся с фронта старые вояки, для матросов, имеющих низкую дисциплину и не имеющих опыта боев на суше, все было «без шансов». В нашей истории часть из этих отрядов стала Первой и Второй красными конными армиями, часть составила основу сил Краснова и Мамонтова. В этой истории пока еще было неизвестно, что и куда повернется. Но уже была надежда, что все кончится благополучно, и войны брата против брата удастся избежать.

А пока эти отряды, на время забыв вражду между казаками и иногородними, сообща врезали пришлым «братишкам» – да так, что в течение недели боев от тысячи с небольшим добравшихся до Дона штыков осталось лишь триста.

На этой почве дисциплина у флотских окончательно упала, и революционный отряд превратился в настоящую банду.

Расстреляв по обвинению в измене единственного среди них офицера, лейтенанта Скаловского, «братишки» решили вернуться в Севастополь и сорвать зло на тамошних «буржуях», преподав тем «кровавый урок».

Правда, перед этим они еще хотели пристрелить тех «товарищей», что позвали их на Дон. Но те, вовремя почуяв опасность встроенным в пятую точку национальным чувством самосохранения, своевременно слиняли в неизвестном направлении, очевидно, решив поискать помощи против Каледина где-то еще.

В это время по Украине уже двигалась бригада Красной Гвардии, устанавливая по пути истинную советскую власть и обрастая добровольцами. Киев, Винница, Житомир, Одесса... Даже самым большим тугодумам стало понятно, что всем не желающим добровольно подчиниться правительству Сталина в скором времени придет пушистый полярный лис.

Погрузившиеся в эшелон, остатки матросского отряда с максимальной скоростью двинулись в сторону Севастополя, останавливаясь в пути только для того, чтобы пограбить местных жителей да набрать самогона и баб.

Но на Чонгаре их ждал облом. Выставленный в самом узком месте перешейка у села Сальково войсковой заслон под командованием полковника Доставалова из состава исламизированной 38-й запасной пехотной бригады, подчинившейся

законам самозваного крымско-татарского Курултая, потребовал полного разоружения «братишек». В случае отказа дорога на полуостров будет для них закрыта. Никто не захочет пускать в свой дом обезумившую от крови и безнаказанности стаю вооруженных бабуинов, единственный смысл жизни которых – грабеж и резня «классовых врагов».

Вот и крымские татары закономерно опасались нашествия «братишек», хотя их заслон был выставлен как раз не против них, а против группы Османова, сведения о которой уже докатились и до Крыма.

Руководство этого крымско-татарского Курултая, объявившего себя Учредительным собранием Крыма, и созданного им правительства, названного Директорией (не путать с Украинской Директорией) справедливо опасалось, что если отряд майора Османова доберется до Севастополя и построит всех там по ранжиру, то идее крымско-татарской государственности придет полный и окончательный кирдык. Не понимали неразумные, что настоящим «специалистам» их заслон из разжиревших запасников будет на один зубок, а вооруженное сопротивление центральным властям закончится тем, что жители Крыма отправятся туда, куда Макар телят не гонял.

Итак, к тому моменту, как к Новоалексеевке приблизилась группа Османова, «братишки», окопавшиеся в этом многострадальном населенном пункте, резвились уже третий день. Они даже успели совершить набег на Гениченск за выпивкой и бабами. За это время из их состава исчезло еще около сотни человек. У местных появилась надежда, что все рассосется само собой. Но не рассосалось.

Утром тридцатого ноября по старому стилю спецпоезд Красной Гвардии был остановлен на семафоре начальником маленькой станции Рыково, в тринадцати верстах от Новоалексеевки. Молва о Красной Гвардии вообще и об отряде Османова в частности докатилась не только до Симферополя, но и до прочих мест, не всегда обозначенных на Генеральной карте бывшей Российской империи. Потому у местных жителей появилась надежда, что наконец нашлись люди, которые наведут порядок и прекратят царящую в глубинке вакханалию грабежей и насилия.

Командир приданного майору Османову взвода морской пехоты, сержант контрактной службы, считавшийся старшим поезда, немедленно связался по радиации с кавалерийской группой. Ни у кого, даже у бывшего анархиста комиссара

Железнякова, не возникло никаких сомнений, что банду «братишек» надо, как говорили морпехи с эскадры адмирала Ларионова, «зачищать». По всем людским понятиям и обычаям Красной Гвардии, все творящееся в Новоалексеевке лежало за пределами границ допустимого зла.

После краткого совещания было принято решение прямо в Рыково спустить на землю оба БТРа и выгрузить из вагонов всех оставшихся в эшелоне казаков, чтобы после их объединения с кавгруппой ударить по засевшей в Новоалексеевке банде с двух сторон. Морские пехотинцы под прикрытием пулеметов, расположенных на платформах поезда, должны были войти в пристанционный поселок вдоль железной дороги. А казаки и хлопцы Нестора Махно – атаковать при поддержке БТРов вдоль Железнодорожной улицы со стороны шоссе Мелитополь-Чонгар, проходящего в двух верстах от станции.

Главной целью операции было здание вокзала, где и окопалась банда. В случае почти неизбежного вооруженного сопротивления все «братишки» должны были быть уничтожены на месте безо всякой жалости. Уж слишком много на них было крови.

– Скажите, Мехмед Ибрагимович, а разве нам не нужны пленные? – спросил у Османова адмирал Пилкин вскоре после того, как кавгруппа медленной рысью начала свое движение к тому месту, где на шоссе выходила узкая проселочная дорога. – Например, для того, чтобы выяснить у них обстановку в Крыму.

– Точной обстановки они все равно не знают, – меланхолично ответил Османов, – их не было в Крыму больше месяца, а в общих чертах я и сам смогу рассказать вам об этом. В Севастополе и других городах полуострова бардак и безвластие, советы еще бессильны, структуры Временного правительства, которые подгрела под себя Центральная рада, тоже ничего не могут, кроме как чесать языками. Каждый делает все что хочет, и к тому же в советы под красивыми политическими лозунгами лезет всякая уголовная шушера. В Симферополе, в придачу к этому бардаку, татарские националисты-автономисты пытаются образовать свое «правительство». Собственно говоря, они никого не представляют, кроме самих себя, любимых, и силой реальной не располагают. В нашей истории никаких заслонов у въезда в Крым татары не выставляли, а значит, все кто ни попадя шатались через Перекоп туда-сюда. Вот кого надо брать в плен и допрашивать по полной программе. Ничего, я с ними еще поговорю лично, на их родном языке. Но этим мы займемся чуть позже.

– Они же ваши единоверцы, Мехмед Ибрагимович, – с усмешкой заметил Миронов, – как же можно быть с ними таким жестоким?

– Собачьи дети они, Филипп Кузьмич, а не единоверцы, – вздохнул Османов. – Они хотят получить всю власть над Крымом, чтобы тут же передать ее тому, кто больше заплатит. В нашей истории они тут же легли под немцев, потом, когда немцы проиграли войну, перебежали к Антанте. Верить таким – себя не уважать. Да и боевые качества их весьма посредственные. Вы же в курсе, что когда Суворов вводил русские войска в Крым, то Турция эвакуировала свои гарнизоны. И возмущившихся татар генерал Суворов усмирил на раз-два – казачки и драгуны разогнали их скопища одними нагайками. Да и в нашей истории в самом начале Гражданской войны все их формирования были разгромлены даже не регулярной Красной Армией, а полуанархическими отрядами матросов. Вроде того, который мы сейчас будем приводить в божеский вид. И после этого никаким особенным образом крымские татары себя в Гражданской войне не проявляли. Опасность с их стороны сейчас, конечно, есть. Но лишь в условиях полного безвластия.

– И что же дальше? – спросил адмирал Пилкин.

– А ничего, – ответил Османов. – Сперва надо жестко, но без лишнего кровопролития, поставить на место их верхушку. Потом долго и нудно работать с населением, постепенно меняя его образ мыслей.

– И вы, Мехмед Ибрагимович, думаете, что у вас это получится? – поинтересовался Пилкин. – Если уж, как вы говорите, они такие все нехорошие.

– Должно получиться, – ответил Османов. – Поскольку Всевышний запрещает истреблять целые народы, то, как говаривал один еще никак не проявивший себя американский уголовник, «добрым словом и револьвером можно сделать куда больше, чем просто добрым словом».

Махно и Каретник переглянулись.

– Хорошая мысль, – сказал Махно, – надо бы ее запомнить.

– Запомните, Нестор Иванович, – сказал Османов, – есть, конечно, отдельные негодяи, на которых доброе слово не действует вообще. Но к целым народам это

не относится. Люди все разные. К тому же значительная часть дела уже проделана за время нахождения Крыма в пределах Российской империи, и татары уже совсем не те, что во времена Гиреев. Воспитывать народ, по моему разумению, надо как посредством пропаганды в газетах и всеобщего государственного образования, так и через соответственно настроенных духовных лидеров. Например, казанские татары исповедуют ислам и вполне мирно уживаются с православием и светским образом жизни. Почему бы не организовать в Казани свой Исламский университет и не посылать туда на учебу молодых мусульман со всей Советской России для распространения этого положительного опыта? Пройдет лет двадцать, и обстановка на этом фронте разительно изменится.

– Религия – опиум для народа, – попытался вставить свои пять копеек комиссар Железняков.

– Вы не совсем точно цитируете Энгельса, товарищ Железняков, – сказал Османов, – он говорил: «Религия – опиум народа», что имеет несколько иной смысл. Стоило Ильичу один раз изменить эту цитату, как все за ним принялись ее повторять. К тому же сегодня для большинства людей религиозные установки и составляют тот самый тонкий налет цивилизации, с исчезновением которого человек превращается в дикого зверя. Тем, как это выглядит на практике, вы будете иметь честь полюбоваться через какие-то пару часов.

– Не буду с вами спорить, товарищ Османов, – ответил Железняков, – но я все равно останусь при своем мнении...

– Тихо! – сказал войсковой старшина Миронов, подняв правую руку. – Кажись, приехали!

Впереди, метрах в ста, у поворота на Рыково, стояли два БТРа, а рядом с ними ожидали оставшиеся казаки из приданной Османову сотни. Впрочем, до полной сотни отряд Миронова не дотягивал, насчитывая в своем составе всего семьдесят две сабли.

– Так, – сказал Османов, когда отряды соединились, – отсюда до поворота на Новоалексеевку чуть больше часа на рысях. Поскольку мы вступаем на территорию, где возможна внезапная встреча с противником, все разговоры прекратить и смотреть в оба. Филипп Кузьмич, – обратился он к Миронову, –

прикажете выслать передовой дозор и развернуть фланговое охранение. За дозором идут БТРы, а за ними уже основная группа. Пусть погода мерзкая, и шанс встретить празднующихся «братишек» минимальный, но, как говорится, береженого и Бог бережет. Без крайней необходимости не стрелять, рубить молча. Если кто-то из бандитов подымет руки, брать живьем. Жалко, что знамени у нас нет. Было бы неплохо, чтобы все видели, что идет не кто-нибудь, а Красная Гвардия.

– Будет сделано, Мехмед Ибрагимович, – кивнул Миронов и начал отдавать распоряжения.

– Насчет знамени – это вы хорошо придумали, – вздохнул комиссар Железняков, – надо бы заказать его, да только где...

– У сводных групп вроде нашей знамен не бывает по определению, – ответил Османов. – Насколько я понимаю, боевое знамя в Красной Гвардии сейчас существует лишь в единственном экземпляре. Это знамя бригады, а теперь уже корпуса полковника Бережного. До остальных знамен у нас руки пока не дошли.

– В любом случае, – продолжал настаивать Железняков, – когда мы войдем в Крым, знамя Красной Гвардии станет для нас предметом первой необходимости. Раз уж и тут люди уже знают про Красную Гвардию, то именно по нашему знамени они должны отличать нас от местных большевиков, которых вы сами, товарищ Османов, и в грош не ставите.

– Уговорили, – кивнул Османов, – я согласую этот вопрос с Центром, и если получу добро на ваше предложение, то будет у нас и знамя. – Он немного подумал и добавил: – А когда наша миссия закончится, мы сможем вручить это знамя сотне товарища Миронова, с пожеланием, чтобы она со временем стала бригадой или даже корпусом. А может, и армией?

– Спасибо, Мехмед Ибрагимович за доверие, – сказал подъехавший Миронов. – А сейчас у нас уже все готово. Так что, рысью, господа и товарищи, марш-марш!

Через час отряд майора Османова, так никого и не встретив по пути, вошел в Новоалексеевку. Впереди, занимая всю ширину Железнодорожной улицы, борт о борт медленно двигались два БТРа. А за ними, колонной по три, шагом – три десятка конных, включая хлопцев Махно, и в конце – тачанки. Остальных

казаков Миронов направил веером по флангам, чтобы перекрыть противнику пути отхода.

Вся Новоалексеевка в начале века – это три улицы: Деповская, Железнодорожная и Привокзальная. Впереди, примерно в версте, в конце улицы, уже виднелось здание вокзала. Слева теснились обывательские одноэтажные дома и дворики, причем некоторые дома были закопчены огнем недавних пожаров и выглядели так, словно по ним прошелся хан Мамай.

Справа, параллельно улице, пролегла еще одна железнодорожная ветка – от Новоалексеевки на Гениченск, и далее, по Арбатской стрелке, на Керчь. Но Османову пока туда было не надо.

Пристанционный поселок выглядел вымершим, ставни на окнах домов были плотно закрыты, не брехали собаки, и на улицах не было видно людей. Первой живой душой, встретившейся отряду, был седой дед, вышедший на крыльцо дома и непонимающе уставившийся на проезжающие мимо бронетранспортеры.

Османов подъехал к хлипкому штакетнику, и, повысив голос, чтобы перекрыть рычание моторов БТРов, сказал:

– Здравствуй отец! Матросы в поселке есть?

– Есть, как им не быть, антихристам! В вокзале оне, опять пьянствуют, – ответил старик. А потом спросил, подозрительно оглядывая проезжающих мимо и побрякивающих амуницией казаков: – А вы сами-то кто такие будете, люди добрые?

– Мы – Красная Гвардия! – ответил Османов, пришпоривая коня. – Спасибо тебе, отец!

– Это вам спасибо, – сказал старик, мелко крестя проезжающих. – Храни вас Господь, сынки!

Неожиданно где-то впереди, у вокзала, длинными очередями истерично замолотил «максим», и выскочившая на крыльцо старуха утащила своего неразумного супруга в дом, подальше от греха и шальных пуль.

Видимо, у матроса-пулеметчика с большого бодуна тряслись руки, потому что первые его очереди ушли «в молоко», в серое небо Тавриды. В ответ же гулко и солидно, короткими очередями, загрохотали башенные пулеметы БТРов, гася крупнокалиберными пулями обнаруженную огневую точку, а казаки, пригнувшись в седлах, постарались максимально прикрыться от пулеметного огня броней боевых машин.

Следом за пулеметом, который, впрочем, быстро заткнулся, беспорядочно затрещали винтовки. Но тут, окончательно поставив «бартишкам» шах и мат, по первому пути на станцию со скоростью пешехода вполз поезд Красной Гвардии, поливая перрон пулеметным огнем со своих блиндированных платформ. Морские пехотинцы из XXI века, в полной экипировке и с устрашающим боевым гримом на лицах, короткими перебежками стали продвигаться вдоль Деповской улицы.

Хлопнули несколько разрывов гранат из подствольников, и пьяная матросня, увидавшая это явление природы, сразу позабыла о желании сопротивляться и порскнула разом толпой из здания вокзала, как тараканы из-под тапка. В удвоенном темпе замолотили пулеметы поезда, отрезая беглецам путь за линию железной дороги. А на Железнодорожной улице БТРы приняли в стороны, открывая казакам дорогу для того, чтобы гнать и рубить удирающих «братишек».

Вытянув из ножен шашки, со свистом и гиканьем, казачки с места взяли в карьер, стремясь догнать и зарубить каждого, кто не догадается остановиться и поднять руки. А где-то там, со стороны Привокзальной улицы, куда направила свои стопы основная масса беглецов, избежавших пулеметного огня с поезда, уже коротко и зло трещали карабины группы, направленной в обход. Вскоре все было кончено. Живым не ушел никто. Пятерых «братишек», догадавшихся вовремя поднять руки, взяли в плен. Еще троих нашли мертвецки пьяными в задымленном, провонявшем махрой и нечистотами здании вокзала.

Кроме вдрызг пьяных «борцов за революцию», при зачистке вокзала были обнаружены тринадцать молодых женщин, частью почти девочек, разной степени раздетости и избитости. В помещении камеры хранения бойцы Красной Гвардии нашли четыре окоченевших обнаженных женских трупа. Жертвы сексуально озабоченных бандитов были заколоты штыками. Пятеро из освобожденных женщин заявили, что им некуда идти, и пусть их расстреляют на месте, но не бросают здесь, среди чужих людей, на произвол судьбы.

Майор Османов переглянулся с комиссаром Железняковым. Вопрос был ясен, как слеза младенца. Обычно невозмутимый бывший анархист побелел от ярости.

– Вы здесь командир, товарищ Османов, – сказал Железняков, – а потому – принимайте решение. Я поддержу любое.

– Никто вас расстреливать, конечно, не будет, – обратился Османов к женщинам. – Теперь вы под защитой Красной Гвардии. Сейчас вас проводят в хозяйственный вагон, где товарищ сержант выдаст вам обмундирование и предоставит возможность привести себя в порядок. Обмундирование мужское, но это все же лучше, чем то рванье, которое сейчас на вас. В меру сил будете помогать нам по хозяйству. Насилия можете не опасаться. Вы теперь нам как сестры. Узнаю, что кто-то распускает руки, сам оскоплю как барана. Я это умею. Будете с нами до конца пути, а там посмотрим. В том числе и на ваше поведение. В Красной Гвардии никто не ест хлеб даром. Идите.

– Женщина на корабле – к несчастью, Мехмед Ибрагимович, – тихо заметил адмирал Пилкин, дождавшись, когда бывшие пленницы удалились вслед за своим провожатым.

– У нас не корабль, Владимир Константинович, – ответил Османов, – и к тому же в НАШЕЙ армии женщины вполне успешно служат, по крайней мере, на суше, заменяя мужчин на тех должностях, где не требуется большая физическая сила и выносливость, зато необходимы внимательность и терпение.

– Ах, даже так, – хмыкнул Пилкин, – ну что ж, посмотрим...

– Филипп Кузьмич, – обратился Османов к войсковому старшине Миронову, – пленных быстро допросить и... Ну, в общем, вы понимаете. Такой сволочи нет места на земле – только под землей. Комиссар, как я понимаю, возражать не будет.

– Не буду, – угрюмо сказал Железняков, – такие только позорят революцию. Их даже три раза подряд мало расстрелять.

Допрос пленных, как и предполагал Османов, ничего не дал. «Братишки» ничего толком не знали. К тому же они, оправившись от испуга, сыпали матерными угрозами и проклятьями в адрес тех, кто их взял в плен. Правда, стараниями

майора Османова удалось выудить у двух наиболее трезвых пленных несколько фамилий и партийных кличек, которые могли бы пригодиться Миронову в его работе на Дону. Но до этого еще было далеко.

– Товарищи, – сказал Османов, собрав небольшое совещание в штабном вагоне, – на день-два мы тут задержимся. Необходимо прощупать обстановку на Чонгаре и по возможности раздобыть языка. Этим делом разведка займется сегодня ночью. А пока приказываю выставить караулы и всем отдыхать. День сегодня был тяжелый. На этом все.

13 декабря (30 ноября) 1917 года. Полдень. Кишинев. ул. Садовая дом 111. Сфатул Церий.

Здание по адресу «Кишинев, улица Садовая, дом 111» много раз за свою не особо большую историю меняло назначение и хозяев. Первоначально задуманное в 1902 году как дом княгини Вяземской, в 1905 году оно было передано для размещения 3-й городской гимназии. А после начала 1-й мировой войны в нем размещался военный госпиталь. С осени 1917 года именно здесь обосновался Бессарабский Совет Края – по-молдавски «Сфатул Церий», являвшийся уродливым детищем февральской буржуазно-либеральной смуты. С первых же дней своего существования это националистическое в своей сущности собрание взяло курс на отрыв Бессарабии от России, и присоединение ее к Румынскому королевству.

Противостоящие националистам большевистские Советы были в Бессарабии слабы, дезорганизованы и парализованы склоками между сторонниками линии Сталина, взявшими курс на построение унитарного социалистического государства в границах Российской империи, и их противниками, которые, как и покойный Лев Давидович Троцкий, считали, что «больше республик хороших и разных, главное – нарезать Россию на как можно более мелкие кусочки».

Но ни румынские националисты-унионисты, ни их местные противники, не были основными действующими лицами в борьбе за власть в Бессарабии. На Румынском фронте подходило к концу разоружение и интернирование частей русской армии. И теперь румынская армия по команде королевского правительства в Яссах приступила к осторожному прощупыванию границ бывшей империи. Правда, не все у «мамалыжников» шло легко и просто.

Некоторые русские части и сводные отряды отказывались разоружаться и, подобно отряду полковника Дроздовского, с боем или под угрозой применения силы, прорывались на территорию России.

Не добавляли спокойствия и слухи о массовых расстрелах, осуществляемых румынами в русских частях, разоруженных и интернированных. Делалось это в порядке «чистки». При этом репрессиям одинаково подвергались, как не успевшие уйти в подполье большевики, так и оппонировавшие им русские монархисты. Поводом для репрессий послужил призыв экс-императора Николая Александровича к своим сторонникам: «Всех, кто меня любит, прошу поддержать правительство господина Сталина».

Уходящие от румын отдельные русские части, перейдя Прут, почти не задерживались в Кишиневе, а пробивались дальше, на Днестр к Тирасполю или прямо на Одессу. Там, за Днестром, почти уже неделю, подобно грозовой туче, копилась вооруженная сила, подчиняющаяся непосредственно центральному правительству в Петрограде.

Кстати, в ответ на провозглашение Молдавской народной республики, произошедшее 4 декабря или 21 ноября по старому стилю, Предсовнаркома прислал председателю Сфатул Церия эсеру Иону (Ивану) Инкульцу правительственную телеграмму издевательского для всякого самостийщика содержания. Текст ее был краток: «Пока не поздно, прекратите играть в государство! И. Сталин».

Даже кишиневским интеллигентам-либералам стало понятно, что глава большевиков не шутит, и не грозит впустую. К этому времени, выступившая из Петрограда бригада Красной гвардии уже успела ликвидировать такую же самостийную Украинскую Народную Республику, и разогнать в Киеве играющий «в больших и умных» сброд, именовавший себя Центральной Радой.

Спасения бессарабские националисты решили искать в Румынии. Председатель Сфатул Церия Ион Инкулец и его заместитель Пантелеймон Халиппа 5 декабря совершили двухдневную поездку в Яссы. Одновременно с их отъездом, 5-го же декабря, глава крестьянской фракции в Сфатул Церии Пантелеймон Ерхан выступил перед собранием депутатов с предложением о вводе румынских войск «для борьбы с анархией, охраны продовольственных складов, железных дорог, и для заключения договора о привлечении иностранного займа». Это предложение было принято депутатами Сфатул Церия большинством голосов, что и

предопределило в дальнейшем силовой метод разрешения конфликта.

Первые шаги в схватке за Бессарабию противники сделали почти одновременно. 7 декабря (или 24 ноября по старому стилю) один механизированный батальон бригады Красной Гвардии занял Бендеры, взяв под контроль железнодорожный мост через Днестр. И в тот же день румынская армия двумя полками перешла Прут, без боя заняв городок Леово и несколько пограничных сел, тут же приступив к реквизициям продовольствия, расстрелам, разбоям и грабежам. Дальше румынам не дали продвинуться выставившие заслоны части Кишиневского гарнизона, подчиняющиеся распоряжениям местного Совдепа. На другом участке границы, в районе станции Унгены, большевизированные части русской армии самостоятельно остановили румынское вторжение, сохранив под своим контролем сам городок, станцию и стратегически важный железнодорожный мост.

8 декабря телеграммой Председателя Совнаркома Сталина румынские части, без объявления войны, вторгнувшись на территорию Советской России, были объявлены вне закона. В ответ, 9 декабря румынское правительство в Яссах, демонстративно назначило генерала Войтяну генеральным комиссаром Бессарабии, и заявило, что принимает приглашение Сфатул Церия о вводе румынских войск на территорию Бессарабии. 10 декабря вдоль границы по реке Прут на большой высоте пролетел одиночный высотный разведчик. Пройдя границу с севера на юг до самого Дунайского гирла, МиГ-29К на обратном пути заглянул и в Яссы, снизившись и перейдя звуковой порог над зданием, где располагалось правительство королевства Румынии, приведя тамошний истеблишмент в состояние крайнего смущения. Подобные воздушные визиты повторились 11-го и 12-го декабря.

Но шел день за днем, и ни та, ни другая сторона не предпринимали попыток генерального наступления на Кишинев и установления контроля над всей территорией Бессарабии. Возникла эдакая двусмысленная пауза, которая должна была разрешиться решительными действиями в самое ближайшее время.

Одновременно в Кишиневе и его окрестностях нарастал, пока еще глухой и невнятный, протест против приглашения румынских войск, а также закулисных и недемократических действий депутатов Сфатул Церия. Пошли слухи, что Бессарабию банально продали, и это в первую очередь взволновало представителей болгарской, гагаузской и русской диаспор. Уже все в народе

знали, как ведут себя румынские «освободители» там, куда им удалось пробраться.

Наступило 13 декабря 1917 года. По счастью, это была не пятница, а всего лишь четверг. С самого утра депутаты, со дня на день ожидающие ввода румынских войск, стали подтягиваться на Садовую улицу к дому 111. Ораторы, сменяя друг друга на трибуне, сначала вяло и уныло извергали речи про единство румынского и молдавского народов, потом, уже пободрее – про то, как в составе Великой Румынии Бессарабия семимильными шагами пойдет в светлое европейское будущее.

Затем выступил епископ Гурий, митрополит Бессарабский, и от лица Румынской православной церкви вылил ушат словесных помоев на «забывших Христа московитских варваров». По ходу речи накал страстей нарастал. Казалось, что сейчас в зал заседания вбегут все в белом мальчишки-хористы и объявят благую весть о приближении к городу румынской армии. Некоторые из присутствующих в зале депутатов и праздных зевак даже невольно стали озираться по сторонам.

Но вместо хористов в белом в зал вошел взмыленный и запыхавшийся доктор Димитро Чугуряну, один из идеологов и основоположников румынизации Молдавии. Торопливо пройдя по залу, он остановился у трибуны, на которой, как глухарь в лесу, токовал очередной оратор, и довольно невежливо прервал того.

– Домнул председатель, господа! Спасайтесь! Бегите из города, если не хотите попасть в руки Бережному, Фрунзе, Деникину и всей их царско-большевистской компании! – воскликнул Чугуряну. – Сегодня ночью корпус Красной Гвардии в полном составе перешел Днестр. Они движутся, словно армия Аттилы, такие же бесчисленные и безжалостные. Их передовые кавалерийские части и броневики уже в городе! Директорат арестован. Спасайтесь, кто может!

В наступившей тишине стали отчетливо слышны цокот множества подкованных копыт, урчание моторов и приглушенные слова песни: «Мир мы построим на этой земле, с верой и правдою во главе».

Зал заседаний стремительно опустел. Депутаты Сфатул Церия (по сути, никем не избранные самозванцы) в панике покидали большое белокаменное здание под зеленой крышей, чтобы раствориться в окрестностях Кишинева.

По Садовой, вслед за большим восьмиколесным броневиком, колонной по четыре, в город Кишинев входила кавалерия Красной Гвардии. Стремя к стремени, ровными рядами двигались одетые в серый зимний камуфляж те, кто победил Гинденбурга и Людендорфа, ликвидировал Центральную Раду, навел порядок в Одессе. Ехала 1-я кавбригада быстрого реагирования, на распущенном красном знамени которой золотом был вышит боевой девиз: «Верой и правдой».

В первом ряду всадников ехал генерал-лейтенант Михаил Романов, одетый в такой же, как у всех бойцов, камуфляж. Все это зрелище так разительно отличалось от местных красногвардейцев, расхристанных и почти всегда пьяных, что прохожие на улицах останавливались и, открыв рот, провожали взглядом невиданное доселе явление. Ну ничего, это еще цветочки! Вот когда кишиневские обыватели увидят бойцов полковника Бережного, то их удивлению вообще не будет предела...

14-я часть

Ворота в Крым

14 (1) декабря 1917 года. Раннее утро. Екатеринославская губерния. Станция Новоалексеевка в тридцати двух километрах перед Чонгарским мостом.

Контр-адмирал Пилкин Владимир Константинович

Прости меня, Господи, но, кажется, я становлюсь, если и не правоверным большевиком, то «отъявленным сталинистом», как майор Османов называет сторонников господина, пардон, товарища Сталина. И таких, как я, становится все больше и больше. Сказать честно, как правитель он на голову выше не только деятелей бывшего Временного правительства, но и нашего экс-государя Николая Александровича, которого всегда отличали нерешительность и непоследовательность в действиях.

К примеру, вчера вечером нас нагнал распространяемый большевистским телеграфным агентством ИТАР «Декрет об отмене подразверстки и замене ее

натуральным налогом». Теперь к почитателям господина Сталина добавится немалое количество мужичков. Если большевистский Декрет о Земле всего лишь признавал фактическое положение дел, сложившееся после летнего самовольного передела, то отмена продразверстки – это совсем другое дело. Никто на это даже и не надеялся.

Теперь миллионы мужичков, хлынувшие с фронта после демобилизации, не забросят поля и не примутся разбойничать и воевать за кого ни попадя, только из-за безысходности от того, что придут те, кто называет себя властью, и все отберут. Они начнут думать, как пахать и сеять, потому что теперь отбирать будут не всё. Обыватель ценит, что в города вернулся порядок, рабочие – восьмичасовой рабочий день и права, что дала им новая власть, офицерство – то, что война закончилась с честью, и Россия, пусть и советская, едина и неделима, а человеку в погонах снова оказывается надлежащее уважение (для этого лишь надо быть лояльным новой власти и исправно выполнять свои служебные обязанности – хоть в новой армии, хоть в Красной Гвардии).

Конечно, в новой армии не нашлось места для бездельников, казнокрадов и тех, кто считал нижних чинов быдлом и относился к ним соответственно. Теперь нельзя бить солдата в морду. Впрочем, «дантисты» и раньше были среди нашего офицерства в меньшинстве. А на фронте такие, говорят, и вовсе быстро ловили «шальную пулю». Но, это все лирика, как говорит майор Османов; главное заключалось в том, что люди своими глазами увидели, что к власти пришел человек дела, а не пустопорожний болтун.

Вчера, после завершения скорого суда и последующего за ним наказания, майор Османов и комиссар Железняков долго беседовали с обывателями на стихийно собравшемся на станции сходе. В результате этого разговора в Новоалексеевке взамен убитого бандитами старосты избрали новую власть, которой было указано организовать похороны «братишек» в братской могиле за оградой кладбища. Трофейное оружие – два пулемета «Максим», один из которых оказался неисправен, и винтовки – собрали и снесли в оружейный вагон. Майор сказал, что оно потом нам может пригодиться.

После всех этих дел Османов ушел в свою святая святых – в радиовагон. Вышел он оттуда через час в приподнятом, даже веселом настроении. От него мы узнали, что передовые части корпуса полковника Бережного только что вошли в Кишинев, разогнав еще одну местную пародию на правительство под названием «Сфатул Церий».

Потом майор о чем-то тихо переговорил с комиссаром Железняковым. Мне показалось, что речь шла о знамени отряда. После этого комиссар взяв несколько казаков, самых уважаемых и авторитетных, и уехал вместе с ними на паровозе в Гениченск, который всего в одиннадцати верстах от Новоалексеевки.

Вечером, когда уже стемнело, майор отправил часть своих головорезов на станционной дрезине в разведывательный поиск на станцию Сальково. С ними же отправилось несколько казаков, обмотав копыта своих коней тряпками. Среди них был и старший урядник Хорьков, имевший два креста за добытых в немецком тылу офицеров. Приказ был – постараться, не проливая крови, взять «языков».

Дрезину хорошенько смазали, чтобы не скрипела при движении, и разведка отправилась в путь. Было всего часов шесть вечера. Зимой темнеет рано, и луна как раз была в своей минимальной фазе – как говорят поклонники мадам Блаватской, «в соединении с солнцем», а из-за низкой облачности не было видно даже звезд. Казаки на своих бесшумно ступающих в непроглядном мраке конях казались ожившими призраками. Следом за ними двигалась дрезина, тихо полязгивая и постукивая на стыках рельс.

Перекрестив их напоследок, я попросил Создателя о том, чтобы все у них вышло, как приказал майор Османов, без кровопролития и резни. Ведь сейчас нам противостоят не пьяные матросы, потерявшие от крови и вседозволенности человеческий облик, а всего лишь солдаты-запасники, которые, как им думается, выполняют свой воинский долг. И вина их лишь в том, что они оказались не на той стороне. Это все последствия того демократического бардака, в который ввергло Россию Временное правительство... С этими мыслями я и пошел в салон-вагон нашего поезда ужинать (или, как говорят товарищ Махно и его хлопцы, вечерять).

В салон-вагоне сидели майор Османов, войсковой старшина Миронов и Нестор Махно, неспешно хлебая густую горячую похлебку из свинины, лука, моркови, капусты и гречки. Они запивали ее крепким, черным как деготь, чаем. Раньше мне довольно редко приходилось употреблять такие пролетарские кушанья. Но за время путешествия с майором Османовым желудок мой привык ко всему. К тому же ежедневные конные поездки сильно влияют на аппетит, и при виде едящих живот мой взвыл, требуя немедленно присоединиться к этому празднику чревоугодия.

Молоденькая девочка (одна из тех, кто прибился к нашему эшелону после недавнего боя с матросами-душегубами) в белом халате, с выбивающимися из-под косынки рыжими локонами, поставила передо мной полную тарелку похлебки, стакан с горячим чаем в подстаканнике и положила чистую ложку, сказав при этом тихо: «Битте, герр офицер...»

«Из немцев-колонистов, наверное...» – подумал я, еще раз оглянувшись на нее, и, мысленно прочитав короткую молитву, принялся за еду.

Сказать честно, получить ужин из женских рук было гораздо приятнее, чем от матроса-вестового, или даже вышколенного официанта в ресторане. Это было как-то по-домашнему, что ли.

Разговор за столом шел, как ни странно, не о политике, а о еде. Наверное, потому, что отсутствовал комиссар Железняков, обычно все темы сводящий к классовому вопросу. Сейчас Нестор Махно допытывался у майора Османова, почему мусульмане не едят свинину и почему он, Османов, правоверный магометанин, с аппетитом употребляет сейчас эту похлебку вместе с остальными.

– Понимаешь, Нестор Иванович, – степенно отвечал Османов, отложив в сторону ложку. – Пророк разрешил своим воинам в походе есть все, что возможно, лишь бы не терять силы, а мы с вами сейчас как раз в походе. Это первое. Второе – это то, что запрет сей восходит ко временам куда как более древним, чем времена пророка Магомета. Древнейший способ длительного хранения мяса в жарких странах был следующим: его резали на тонкие ленты и высушивали в тени. Так можно было сохранить баранину, говядину, козлятину и конину. Но не свинину, которая из-за своей излишней жирности не сохнет, а гниет, становясь чистым ядом. Да и образ жизни, который ведут свиньи, изначально внушал людям отвращение. Вот и запретили – сперва иудеи, а потом и жившие рядом с ними арабы, даже прикасаться к свинье, считая, что это животное проклято, и само прикосновение к нему оскверняет правоверных. Но здесь и сейчас это не имеет никакого значения, потому что человек может осквернить себя только плохими поступками, а не тем, что он ест или пьет.

– Понятно, – кивнул Махно, и дальше ужин протекал в полной тишине.

Разведка возвратилась часов в шесть утра, приведя с собой целое стадо пленных. Все вышло даже лучше, чем предполагалось – взвод запасной 38-й бригады, выставленный перед Сальково в качестве передового заслона, ночью в полном составе улегся спать, выставив только одного часового, которого бескровно сняли головорезы Османова, придавив на шее нужную точку, после чего бедняга провалился в глубокий сон. Знаем мы эти восточные штучки по Порт-Артуру, плавали.

Когда часовой вышел из игры, казаки разоружили остальных спящих и, как выразился сержант, «произвели внеплановый подъем». Вместе со взводом был захвачен и командир второй роты, подпоручик Диан Фейзулин. А с ним еще один субъект в штатском, который был явно птицей более высокого полета. Человек этот, прихрамывающий на правую ногу и обликом своим похожий на татарина или турка, даже под костюмом в клетку и мягкой шляпой не мог скрыть своей офицерской выправки.

Майор Османов, разбуженный среди ночи, при свете электрического фонаря тут же коротко переговорил с испуганными солдатами, у которых казаки для пущей безопасности отобрали брючные ремни и срезали пуговицы со штанов. Разговор шел частью по-русски, частью по-татарски.

– Успокойтесь, – сказал им Османов в конце разговора-допроса, – ничего плохого вам не сделают. Все наши претензии не к вам, простым солдатам, а к вашему Курултаю и его самодельному правительству, возомнившим о себе невесть что и не признающих центральную власть в Петрограде. Вот с ними мы и будем разговаривать, может даже и не так любезно. Сейчас вас запрут в пустой теплушке, где есть печка, нары и фонарь. Потом будем разбираться. Все.

Майор поблагодарил разведчиков, своих головорезов и казаков за хорошую службу и отправил их отдыхать. На перроне остались только он сам, я, войсковой старшина Миронов, немного всклокоченный со сна Махно, подпоручик Фейзулин и тот странный тип в штатском костюме, который вел себя на удивление невозмутимо.

Подпоручик же удивленно крутил головой, ибо ему все вокруг удивительно и непонятно. Он косился на погоны, которые носили тут все поголовно, исключая, пожалуй, только хлопцев Нестора Махно.

Удивляли его и царящая вокруг дисциплина, а также отношения между бойцами и командирами, очень напоминая старую армию. А уж когда в ответ на благодарность майора сержант козырнул и заучено отрубил: «Служу России!», подпоручик и вовсе, как говорят наши коллеги из будущего, «выпал в осадок».

Кажется, майор Османов, большой знаток человеческой психики, называл такое состояние «когнитивным диссонансом». Помню свои собственные впечатления, когда я, после нашей тогдашней расхристанности, вдруг впервые оказался на палубе «Адмирала Кузнецова»...

– Подпоручик, – сказал майор Османов, устало потирая красные от недосыпания глаза, – если вы дадите мне слово офицера, что не предпримете попыток сбежать или совершить какие-то иные враждебные в отношении нас действия, то вас будут содержать под домашним арестом в одном из свободных купе нашего эшелона. Если вы откажетесь дать слово, то вас отправят под арест вслед за вашими солдатами.

– Я не понимаю, что происходит, – удивленно сказал подпоручик, – но я дам вам слово, господин майор, что не буду пытаться сбежать.

Когда поручика увели, ушел и майор Османов, забрав с собой непонятного типа в штатском – очевидно, почуял в нем что-то такое, что требует более длительного и более обстоятельного разговора без лишних глаз и ушей. А мы отправились досматривать последние утренние сны. Но поспать нам не дали.

Уже почти перед самым рассветом из Геническа на паровозе вернулись комиссар Железняков и казаки. Несмотря на усталость, они были довольны тем, что им удалось сделать. Комиссар с гордостью предъявил нам знамя отряда. Это было большое двухслойное полотнище алого шелка, отороченное золотой бахромой, и верхнюю часть его украшали написанные крупными буквами слова «КРАСНАЯ ГВАРДИЯ», и чуть ниже был прописью написан девиз: «Верой и правдой».

Комиссар Железняков рассказал, что мастерскую, шившую для богатых невест свадебные платья, они нашли довольно быстро. Хозяин сначала было заартачился. Но когда узнал, что это знамя для отряда, который уничтожил банду, терроризировавшую всю округу, то тут же подобрел и взялся оперативно выполнить заказ.

Мастерицы сидели по очереди за работой весь день и почти всю ночь. Хозяин даже поначалу отказался от денег, но тут уже уперся комиссар Железняков. Одну золотую десятку он чуть ли не насильно вручил хозяину «за материал», и еще по одной дал четверем мастерицам, трудившимся над знаменем, сказав, что это им премия «за ударный коммунистический труд».

Вот и вся история.

14 (1) декабря 1917 года. Раннее утро. Екатеринославская губерния. Станция Новоалексеевка в тридцати двух километрах перед Чонгарским мостом.

Майор госбезопасности Османов Мехмед Ибрагимович

В толпе солдат-татар этот тип сразу бросался в глаза своей, если можно так сказать, нетипичностью. И к гадалке ходить не надо для того, чтобы понять, что не простой штатский ночевал в одной палатке с подпоручиком Фейзулиным, совсем не простой. И за крымского татарина он мог сойти только для человека, несведущего в восточных делах. И в самом деле, он походил на своих гостеприимных хозяев не более, чем я на жителя Монголии. Деланная невозмутимость пленника тоже говорила о многом.

Хорошенько подумав, я пришел к выводу, что наш гость – птица залетная и весьма интересная. Правда, прибыл он в Крым не из Франции или Британии. Так что наш с ним разговор мог быть интересным.

Я приказал морпехам отвести этого господина в специально оборудованное для подобных бесед купе и отдал еще несколько распоряжений по отряду, после чего отправился за ним следом.

Усадив пленника на сиденье, оба морпеха остались в коридоре, откуда внимательно следили за ним. Господин демонстрировал самообладание вождя краснокожих и, не говоря ни слова, продолжал смотреть в окно купе.

Я не спеша уселся на сиденье напротив него и махнул рукой морпехам, чтобы оставили нас одних.

– Уважаемый, – сказал я на языке своих далеких предков, – меня интересует ваше имя и чин в турецкой армии, а также, какое задание вы получили от своего начальства, отправляясь на территорию Советской России.

Похоже, мои слова пробили его защиту – лицо моего визави на мгновение утратило невозмутимость. Потом маска безразличия вернулась на место, но я уже понял, что не ошибся, и он именно тот, кем я его считаю.

– Уважаемый, – снова сказал я по-турецки, – я жду от вас ответа. Тем или иным путем я все равно узнаю от вас все, что мне нужно. Я, как и вы, служу в разведке, а значит, для меня не является невозможным то, что считал бы для себя неприемлемым обычный русский офицер.

– Я не боюсь пыток, – презрительно сказал мне незнакомец на довольно хорошем русском языке. – Применяв ко мне силу, вы ничего не добьетесь.

– Можно обойтись и без применения силы... – Я тоже перешел на русский язык, достав из своего саквояжа коробочку с одноразовыми шприцами и ампулами, я продемонстрировал все это упрямцу.

– Вам эти вещи не знакомы, но я скажу, что сие – препарат, именуемый у нас «сывороткой правды». Один укол – и вскоре вы начнете рассказывать мне такие вещи, о которых вы давно уже и сами позабыли. Причем я вас и пальцем не трону – вы будете рады сообщить мне все новые и новые сведения о своей служебной деятельности. Но мне не очень хочется применять к вам это средство. Я надеюсь на ваше благоразумие. Тем более что сведения, которые вы так героически стараетесь сохранить, скоро мне и так будут известны. Ну, уважаемый, я жду вашего решения...

– Вы, наверное, посланец шайтана и пришли к нам из самого Джаханнама, а прислуживают вам сыновья ифритов и смертных женщин... – сказал допрашиваемый, косясь на коробочку со шприцами и ампулами.

– Уважаемый, вы ошибаетесь, – ответил я, – вы говорите с правоверным мусульманином. Но мне противно, когда то, что завещал нам Пророк Мухаммед, люди, считающие себя настоящими мусульманами, пачкают в крови беззащитных женщин, детей и стариков. И разве не сказал Пророк, что нет нам больших братьев, чем ахль аль-китаб – люди Писания: христиане (аль-насара), и

иудеи (аль-яхуди), – запретив их насильно обращать в ислам? Ислам запрещает мусульманам оскорблять или покушаться на жизнь, имущество, честь и достоинство ахль аль-китаб. Скажите мне, эфенди: разве первые халифы и их полководцы опускались до резни покоренных иноверных народов? Нет, они лишь ограничивались обложением их хараджем.

Конец ознакомительного фрагмента.

----

Купить: [https://tellnovel.com/ru/harnikov\\_aleksandr/nepobedimaya-i-legendarnaya](https://tellnovel.com/ru/harnikov_aleksandr/nepobedimaya-i-legendarnaya)

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)